18+

Елена Калинкина

Глафира

Елена Калинкина
Глафира

https://litres.ru/73871351
ISBN 9785006977075

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Зачем объявился Он в никому неизвестном провинциальном городке Заурядинске? Разумеется, не один — со свитой. Свита — для того чтобы чинить каверзы главной героине. Только преодолевая препятствия, можно двигаться дальше по предначертанному пути. Он — чтобы не оставить ей выбора. Впрочем, выбирать ей всё же придётся…

Содержание

Часть 1. Девушка 5
Глава 1. Культпросвет чистилище 5
Глава 2. Не спать — жизнь прекрасна! 23
Глава 3. На войне как на войне 48
Глава 4. Конь в пальто 61
ГЛАВА 5. Победа 74
ГЛАВА 6. Гроб на колёсиках 86
Глава 7. Воланды на дороге не валяются 104
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Глафира

Елена Калинкина

© Елена Калинкина, 2026

ISBN 978-5-0069-7707-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Девушка

Глава 1. Культпросвет чистилище

Стояла ночь.

Бездонная и непостижимо тревожная. Как будто большой страшный зверь затаился в её черноте. Затаился и белым застывшим глазом — Луной смотрит на спящий город, изливая на него свой холодный потусторонний свет, и ничто, казалось, не могло укрыться от этого немигающего всевидящего Ока.

Тем временем внизу на пустынной улице с погасшими вдруг ни с того ни с сего фонарями возникли три странные фигуры.

Первая — высокая и стремительная — принадлежала мужчине, одетому в длинный до пят чёрный кожаный плащ. Плащ, плотно облегая фигуру, при ходьбе книзу заметно расширялся, отчего силуэт принимал не совсем привычные летящие очертания.

Мужчина шел быстро впереди всех, и звук его шагов гулким зловещим эхом раздавался в ночной тишине, словно дьявольский хронометр, отсчитывающий последние секунды перед неизбежным.

За ним едва поспевали огромная мужеподобная тетка в

широких цыганских юбках и уцепившийся за её руку ребенок-подросток.

Миновав пару тёмных подворотен, троица вынырнула на освещённую улицу (Агеева) и направилась к ближайшему перекрестку. Туда, где неделю назад открылась новое, правда, далеко не первое в городе казино.

«Три шестёрки» — такое было у него название.

На полпути к цели произошёл инцидент: мальчишка вырвался вдруг из рук тетки, подбежал к одному из домов, на котором висела вывеска с названием улицы и, вскарабкавшись на фундамент, закрыл своей почему-то совсем не детской рукой заглавную букву «А» в слове.

А когда руку отнял — странное дело — буква исчезла, и теперь вместо исходного — «Агеева» бесстыдно бросалось в глаза новое глумливое — «геева».

Хулиган довольно гыкнул и помчался догонять своих спутников. Тётка наградила его увесистым подзатыльником, снова, но уже крепче, схватила за руку и поволокла за собой.

Наконец засияли огни «Трёх шестёрок». Идущая впереди высокая фигура резко остановилась и, обращаясь к двум другим, сказала нетерпящим возражения голосом:

— Ждать меня здесь.

Сказала и исчезла за дверью…

Казино хоть и сияло-переливалось снаружи яркими бегущими огнями, внутри представляло собой ничем не вы-

дающееся скучное квадратное помещение. До Перестройки здесь был ресторан.

Как только распахивалась дверь, взор входящего упирался в живописное, во всю стену панно в фойе, на котором была изображена группа жизнерадостных молодых людей в ярких национальных костюмах, символизирующая дружбу бывших советских республик (ресторан так раньше и назывался — «Дружба»).

В центре этого пёстрого разношерстного коллектива упитанная розовощёкая девка в красном сарафане, улыбаясь шире и лучезарнее остальных, держала в руках большой круглый каравай. Какое отношение это имело к концепции нынешнего заведения, непонятно. Впрочем, старый как мир лозунг «Хлеба и зрелищ!» ещё никто не отменял.

Как и другой, не менее актуальный — «Время — деньги».

Поэтому с ремонтом заморачиваться не стали. Наклеили на унылые стены обои с золотыми вензелями, установили игровые столы — и вот вам, пожалуйста, — было самое обычное затрапезное заведение, стало новомодное казино.

Разве что с потолком пришлось повозиться — высокий переделать в низкий, и теперь он зрительно давил на присутствующих не смотря на то, что был отделан зеркальными плитами. Такой эффект, вероятно, происходил от недостатка освещения. Свет отовсюду струился какой-то тусклый, немощный, с претензией на интим.

Тонувшее в полумраке пространство условно можно было

поделить на две зоны: обеденную и непосредственно игровую. В центре, на стыке обеих зон, располагалось возвышение в виде сцены с металлическим шестом и неуместно стоявшим на заднем плане роялем — ещё одним наследством, доставшемся от ресторана.

Посетителей в тот вечер было не много. Одни молча курили, уставившись в карты, другие донимали скабрёзными шутками молоденьких девушек-крупье.

За рулеткой сидел крупный коренастый мужчина с ёжиком коротких волос на голове и один на один отчаянно бился с лопоухим веснушчатым крупье по имени Дмитрий. О том, что звался тот именно так, а не иначе, гласила табличка, приколотая к форменному сатиновому жилету.

На Дмитрии были также: новая белоснежная рубаха и черные с малиновыми лампасами штаны. Вроде тех, что носят тореадоры.

Сходство с тореадорами усиливалось ещё и тем, что его клиент настолько походил на быка, что так и хотелось повесить ему на шею колокольчик. Прямо на массивную золотую цепь, болтавшуюся на его груди.

Напротив, вдоль стола выстроилась в ряд армия ярко оранжевых фишек. Делая ставки, мужчина пыхтел, привставая и нависая как утес над столом, старался заставить как можно больше пустых клеток, ставя на дюжины, шансы и цифры одновременно. В итоге, после того как оглашалась очередная выпавшая цифра, крупье беззастенчиво сгребал

горы фишек в сторону, выдавая лишь жалкую горстку взамен.

Высокие оранжевые столбики таяли как сосульки по весне.

Однако неудачи только раззадоривали бедолагу. Как говорится, пан или пропал. Собрав остатки фишек, он жестом сеятеля широко и порывисто разбросал их по всему игровому полю.

Выпало зеро, и на этот раз фишки, все до одной, перешли в собственность казино.

Никак не ожидая такого подвоха, мужчина замычал истошно, как недобитое животное, и, подавшись вперед и всё больше свирепея, обозвал Дмитрия наглой рыжей мордой. Бедный малый не на шутку перепугался, видя, как забегали в его зрачках безумные всполохи.

Спасение явилось в образе хрупкой темноволосой девушки с высоким хвостом на затылке, подоспевшей как раз в тот самый момент, когда жизнь как кинопленка проносилась у него перед глазами. Возникнув словно добрая фея из сказки, она подошла к столу, лучезарно улыбнулась и, пожелав всем доброго вечера, попросила объяснить ей правила.

Разъяренный клиент, переключив внимание на вновь прибывшую особу, снисходительно хмыкнул, а Дмитрий, воздав хвалу небесам, незамедлительно приступил к инструктажу.

Внимательно его выслушав, девушка поставила одну единственную имеющуюся у неё двадцатидолларовую фиш-

ку на шансы, а именно — на цифры от одного до восемнадцати.

Мысленно потирая руки, мужчина с бычьей внешностью нетерпеливо заерзал на стуле. Уж очень ему стало интересно, как быстро эта красотка проиграет свои двадцать долларов. В свете неудавшейся попытки сорвать зло на ни в чём неповинном крупье, перспектива заняться утешением новоиспечённой жертвы азарта, выглядела довольно заманчиво. Жертва к тому же была весьма прехорошенькой.

Колесо рулетки резко крутанулось, и шарик, долго мчась по кругу и постепенно замедляя свой бег, остановился на цифре четыре. Дмитрий положил к имевшейся фишке еще одну, точно такую же, и пригласил делать новые ставки.

То ли по неопытности, то ли по каким-то другим причинам, но фишек девушка не взяла. Вслед за четверкой выпало число восемнадцать, затем единица с десяткой. И поскольку фишки всё это время оставались нетронутыми, первоначальная её ставка увеличилась в шестнадцать раз.

После пятого захода, когда вновь повторилась десятка, девушка забрала всё, что ей причиталось, пропустила ход, а затем, поставив часть фишек на цвет, снова угадала.

— Ну ты даешь! — с восхищением изрек незадачливый игрок, округлив глаза так, что стал похож не на быка даже, а скорее на удивленную корову. — И как тебе это только удается?

— Просто мне очень нужны деньги, — не отрывая взгляда

от стола, делая очередную ставку, ответила та.

— Ха! — ухмыльнулся собеседник, — а кому они, в натуре, не нужны?

Девушка взметнула брови в недоуменной усмешке.

— Как, и вам тоже?

— Ну, не так чтоб очень… — под натиском её пытливых глаз призадумался тот. — Но в общем, не помешают.

— Вот именно — не помешают. А мне — нужны.

— Да какая разница, — не унимался дотошный сосед.

— Разница в том, что у меня нет выбора.

— Не понял! — ухмыльнулся тот, окинув девушку плотоядным взглядом. — Как это нет выбора? Может, другой способ попробуешь, типа, деньги зарабатывать? Приятный, в натуре, и без всякого риска.

— Вот и пробуйте сами этот ваш способ, раз он вам так нравится! — вспылив, ответила та и, мотнув хвостом, отвернулась.

Но вернув взгляд в исходное положение, оторопела. Напротив, рядом с крупье, выше него на целую голову, возник вдруг Мужчина в черном. Возник внезапно и одномоментно, будто материализовался из пустоты.

Он стоял молча и неподвижно и смотрел на девушку. Не моргнув ни разу, не дрогнув ни единым мускулом на бесстрастном лице. Наконец, после очередного приглашения делать ставки, хитро прищурился и, не сводя с неё пристального взгляда, достал из кармана самый обычный пятак и по-

ставил его, словно это была фишка, на цифру шесть.

Девушка ощутила болезненную резь в глазах. Стоящая перед взором картинка поплыла и начала растворяться. Не отдавая себе отчета в своих дальнейших действиях, словно попав под власть дьявольского гипноза, она выдвинула все свои фишки в центр стола и чужим металлическим голосом произнесла:

— Всё на цифру шесть.

Крупье собрал фишки и поставил их в номер.

— Всё на цифру шесть, — медленно повторил он, будто переспрашивал.

Ответа не последовало.

— Спасибо, ставки сделаны. Ставок больше нет.

Громким тревожным набатом загрохотала рулетка. Девушка закрыла лицо руками. Ах, если было можно всё изменить!

Время, пока вращалось колесо, казалось ей бесконечным. Шарик, высоко подпрыгивая и перескакивая из номера в номер, как оголтелый носился по кругу. Наконец остановился. Тридцать четыре, чёрное.

Крупье собрался было открыть рот, чтобы огласить выпавшую цифру, но тут шарик ни с того ни с сего ещё раз подпрыгнул и перекатился на соседнюю ячейку.

— Ш-шесть, — не веря своим глазам, запинаясь произнес рыжеволосый Дмитрий.

В происходящее, и впрямь, верилось с трудом.

А череда странностей продолжилась — забрав свой столбик с шестерки, девушка обнаружила, что ставка незнакомца из номера исчезла, будто её там вовсе никогда и не было. Обстоятельство это, однако, того нисколько не огорчило, скорее, наоборот, обрадовало. Ничего на это не сказав, он, довольно улыбаясь, отошел от стола.

Выслушав очередную порцию восторженно-сбивчивых дифирамбов от потрясённого до глубины души соседа, девушка ретировалась к кассе. Она и сама была потрясена. Дрожащими руками высыпала из сумочки гремящие друг о друга фишки и, обменяв их на деньги, присела в сторонке перевести дух.

— Что никогда не выигрывали столько денег? — сквозь гулкую пульсацию в висках услышала она голос у себя за спиной.

Девушка обернулась.

Давешний незнакомец в чёрном смотрел на неё сверху вниз цепким неподвижным взглядом и насмешливо улыбался.

Он был не молод, но далеко и не стар. Тёмные, ниже плеч волосы, откинутые назад, делали вызывающе открытым его и без того дерзкое, с орлиным профилем лицо. Тоненькие чёрные усики и ямочка на подбородке, придававшие некоторую пикантность его хищным чертам, только усиливали производимое им впечатление и как нельзя более кстати подчеркивали экстравагантность его манер.

Наверное, можно было сказать, что он был красив, если бы он не был настолько великолепен. И дело здесь было не только во внешности. От него исходила неподдающаяся никаким сравнениям невероятная, немыслимая внутренняя сила. Сила, которая притягивала к себе неумолимо, но еще больше отталкивала.

Словом, он был не красив, не великолепен даже, а бесподобен. Да, да, именно — бес подобен.

— Думаете, я вас не узнала? — с вызовом бросила ему в лицо девушка, но ощутив знакомую резь в глазах, поспешно отвела взгляд.

Тот громко расхохотался.

— Прекрасно! — воскликнул он, — значит, мне представляться не нужно. Не люблю, знаете ли, излишних церемоний.

Дождался, пока девушка вновь посмотрит ему в глаза.

— Ну а как зовут вас, прекрасная незнакомка?

Та замешкалась.

— Глафира, — наконец произнесла она, выдав первое пришедшее на ум, довольно редкое имя.

Мужчина в черном просверлил её взглядом.

— Что ж, Мария Александровна, Глафира так Глафира. Для ведьмы имя самое что ни на есть подходящее.

Девушка вскочила, будто её ошпарили кипятком, выдавила из себя «всего хорошего» и поспешно направилась к выходу.

Но у самой двери внезапно остановилась, не в силах сделать больше ни шага. Чужая, неподвластная ей воля снова подчиняла её себе.

Девушка развернулась и подошла к незнакомцу.

— Зачем я вам нужна? — обреченно спросила она.

— Не знаю, что вы там себе вообразили, — усмехнулся тот, — только скорее не вы мне, а я вам нужен.

— Допустим. Зачем?

— А вот этот вопрос, пожалуй, можно и как следует обсудить. Не торопясь, знаете ли, за чашкой хорошего чая, — не сводя с девушки взгляда, с неизменной то ли улыбкой, то ли насмешкой он говорил медленно, с выражением, смакуя каждое слово и мастерски выдерживая паузы. — В интимной, так сказать, обстановке.

— Понятно, — девушка достала из сумочки ручку и, написав на одной из купюр телефонный номер, протянула его незнакомцу.

— Это лишнее, — отстранил её руку тот. — Я, видите ли, предпочитаю появляться без приглашения. Внезапно, так сказать. Опять же, телефончик неправильный дали, — кивнув на бумажку, укоризненно покачал головой он. — Ай, ай, ай, Мария Александровна. Не уж то запамятовали? — и сурово зыркнув из-под бровей, — или обмануть хотели?

Девушка заметно нервничала.

— А вы не думаете, что можете прийти не вовремя? Или что я, к примеру, вообще не захочу вас видеть?

Мужчина в черном снова расхохотался.

— Вы, верно, меня всё же с кем-то путаете. Запомните раз и навсегда — я всегда прихожу вовремя.

— Подобные встречи слишком дорого стоят. Боюсь, мне это будет не по карману.

— Ну что вы, — всплеснул руками незнакомец, и выражение его лица сделалось таким нарочито доброжелательным, что даже язвительная его улыбка стала до невозможности приторной. — Считайте, что это подарок, — и с прежним хищным оскалом добавил — сюрприз, так сказать.

Зная, что подобного рода подарки нельзя принимать ни при каких обстоятельствах, ещё вчера она бы точно от него отказалась. Но сегодня…

Сегодня — она была готова на всё. Ну, или почти на всё…

— Вот видите, — прервал её размышления незнакомец, — я же говорил, что всегда прихожу вовремя, — выдержал паузу, — и ухожу, впрочем, тоже.

Кивнул головой, бросил «Честь не имею», развернулся на каблуках и устремился к выходу.

Девушка стояла, вперив стеклянный взгляд на дверь, поглотившую незнакомца. Затем, выйдя из оцепенения, сбивчивыми неровными шагами поплелась в туалет. На автомате спрятала деньги в нижнем белье. Эта встреча настолько потрясла её, что она едва ли осознавала, какую сумму сегодня выиграла.

Опустив крышку клозета и усевшись на ней как на сиде-

нье, обхватила голову руками, пытаясь сдержать бешеный стук в висках. Тело дрожало. Сознание, казалось, распадалось на тысячу мелких осколков. Волна холодного парализующего страха охватила её, когда она вдруг поняла, что совершенно беспомощна перед этим состоянием, словно лавина, разрушающим её сущность. Где-то в глубине мелькнула мысль о том, что она умирает…

Но вот смутно, вдалеке послышался слабый отрывистый звук.

Сознание уцепилось за него, как утопающий хватается за соломинку. Звук усиливался, и когда она вернулась наконец к действительности, то поняла, что это был яростный стук в дверь. Сколько же она тут просидела?

Девушка схватила сумочку и выбежала прочь.

Бежать! Скорей бежать от этого места!

На улице, подставив лицо ветру и жадно упиваясь отрезвляющей утренней свежестью, зашагала к троллейбусной остановке.

И только стала приходить в себя, как на пути возник новый тревожный звоночек — название остановки «Культпросвет училище» было переделано черными корявыми буквами на нечто такое, что никак не желало укладываться в её голове.

«Культпросвет чистилище» — прочитала девушка, остановившись.

И тут же из предрассветного тумана вынырнула старая

толстая цыганка с висячей бородавкой на носу. Будто и не туман это был, а какой-то колдовской морок.

Цыганка была огромной, как гренадёр и держала за руку подростка неопределённого возраста.

До того неопределенного, что через мгновение становилось понятным — никакой это не подросток вовсе, а дядька очень маленького роста. Непропорционально большую голову с прилизанными сальными волосами и оттопыренными ушами делил пополам прямой пробор. С лица не сходила наглая кривая усмешка.

Дядька-подросток бесцеремонно уставился на девушку, шмыгнул носом, утёрся длинным свисающим рукавом не по размеру большой куртки и гнусаво заканючил:

— Тётенька, подай на пропитание… мать твою!

И прежде чем та успела опомниться, выхватил из её рук сумочку и скрылся за ближайшим углом вместе со своей спутницей так же внезапно, как и появился.

Готовая вот-вот расплакаться, девушка обессилено прислонилась к косяку остановки. Подумать только, минуту назад у неё были деньги, с которыми она могла ни от кого и ни от чего не зависеть. Даже той суммы, что она выиграла без «помощи» того сомнительного типа вполне хватило бы ей на первое время, пока она не найдет работу. А что теперь? Она снова осталась ни с чем. Не было даже тех несчастных двадцати долларов, с которыми сюда пришла.

Подошёл пустой троллейбус, с грохотом распахнув свои

двери. Девушка поднялась на заднюю площадку. Встала у открытого окна.

Бежать! Скорее бежать от этого места!

Троллейбус тронулся, и тут она поймала себя на мысли, или, скорее, даже на ощущении, что ей что-то мешает. Прислушавшись к себе, вспомнила, что спрятала деньги в нижнем белье.

То ли от радости, то ли от нелепицы происходящего девушка расхохоталась. Безудержно. Громко. Будто сумасшедшая.

Приступ её безумного хохота стал ещё сильнее, когда она увидела за окном ту самую злополучную парочку горе-грабителей. Недоросток с тёткой отнимали друг у друга сумочку, пытаясь вывернуть её наизнанку, ругались и дрались между собой.

Немой ужас и нескрываемое удивление застыли на их лицах, когда они увидели её, смеющуюся в окне троллейбуса.

— Ведьма?! — то ли с вопросительной, то ли с утвердительной интонацией произнёс недоросток.

— Как есть ведьма! — вторила ему цыганка.

Хохот закончился так же внезапно, как и начался. Девушка устало опустилась на сиденье, прислонила голову к окну и тихо застонала.

Бежать! Скорее бежать от этого места!

Но спрыгнув со ступенек троллейбуса, снова, в который раз за сегодня, оторопела. Кто-то постарался и здесь, на её

остановке. Заглавная буква «Б» в слове «Быткомбинат» была исправлена на «П», отчего привычное и вроде бы ничего не значащее название сразу приобретало вполне конкретный зловещий смысл.

«Пыткомбинат» — прочитала девушка и в ту же секунду поняла, что никуда ей убежать не удастся. Хотела новую жизнь — получите, распишитесь. Кто сказал, что будет легко?

Поэтому, когда увидела у двери своего подъезда метлу, нисколько этому не удивилась.

Удивляться здесь, и правда, было нечему. Стоило немного поразмыслить, как сам собою напрашивался ответ: предмет сей принадлежит никому иному, как дворничихе тёте Зине, и остался стоять здесь без присмотра по той простой причине, что та ненадолго куда-то отлучилась.

Но девушка не стала задавать себе лишних вопросов. Подошла, быстро схватила метлу и нырнула в подъезд.

К счастью, обошлось без свидетелей — подъезд по причине раннего утра оказался пуст.

Впрочем, не совсем — на коврике перед дверью сидела черная кошка.

Это была Матильда. Как всякая уважающая себя представительница кошачьей породы, Матильда любила гулять сама по себе, каждый раз неизменно возвращаясь к хозяйке. И поскольку впустить её до настоящего момента было некому, бедняжка вынуждена была сидеть перед закрытой дверью и

фыркать на соседского кота Кузьку. Кузька, к слову сказать, приходился ей родным сыном. Внешних сходств между ними никаких не имелось, но в силу этого самого обстоятельства Матильду иногда в шутку называли Кузькиной матерью. И то сказать, характер у этой пушистой дамочки был ещё тот.

Едва заслышав, как разъезжаются по сторонам створки лифта, Матильда издала пронзительный визг и, подняв хвост трубой, устремилась навстречу хозяйке. И пока та открывала дверь ключом, (благо тот оказался не в сумочке, а в кармане) не переставая мурлыкать, терлась о её ноги.

— Ну вот я и дома, — с облегчением вздохнула девушка, переступая порог своего убежища — маленькой двухкомнатной квартирки, в которой она наконец могла почувствовать себя в безопасности.

Выложив пачки с деньгами на полку в прихожей, присела на корточки, чтобы погладить ластившуюся к ней кошку.

— Я тоже соскучилась, Матильдочка, — сказала она так, будто обращалась к самому близкому на свете существу. — Ты не представляешь, что сегодня со мной произошло.

Кошка, жалобно мяукнув, уставилась на неё голодными глазищами.

— Ладно, потом как-нибудь расскажу.

Девушка налила питомице молока и, объявив, что сама она идет спать, оставила Матильду завтракать в одиночестве.

Та, насытившись и облизав с ног до головы черную лоснящуюся шкурку, запрыгнула вслед за хозяйкой на кровать

и, свернувшись калачиком, улеглась рядом.

Девушка и кошка спали, в то время как город только начинал пробуждаться ото сна.

Глава 2. Не спать — жизнь прекрасна!

Есть вещи, с которыми бесполезно бороться.

Ей всегда не спится в полнолуние, и с этим ничего не поделать. Просто лежит с открытыми глазами, думает о своем. Вот и сегодня, давно уже за полночь перевалило, а сна — ни в одном глазу.

Села на подоконник, стала смотреть на Луну.

— Почему люди не летают? — вслух спросила она.

Луна светила в небе холодно и отстранённо. Знаю, но не открою секрет, всем своим видом говорила она.

Девушка вздохнула. Когда-то она летала. Давно. В детстве. В детстве все летают во сне. Подпрыгивала и начинала барахтаться в воздухе так, как будто плыла по-собачьи. Чем сильнее барахталась, тем выше поднималась. А когда набирала нужную высоту, парила уже безо всяких усилий.

Полеты вызывали у неё ощущение непередаваемой первобытной радости и абсолютного счастья. А главное — технически были настолько просты, что она в силу своего детского восприятия думала, что умеет летать не только во сне, но и наяву. Мало того, она была уверена в том, что так может «любой дурак». Из чего, по её мнению, следовало, что все люди на земле, за исключением разве что совсем больных и немощных, могут вот так же взять и полететь как птицы. Ес-

ли, конечно, захотят.

Каким же горьким было её разочарование, когда она узнала, как обстоят дела на самом деле. Наверное, тогда, в тот самый момент кончилось её детство.

С тех пор она больше не летала.

А ещё так совпало, что в это самое время у нее родилась младшая сестра, и когда из роддома принесли свёрток с маленьким красным кричащим комочком внутри, она, посмотрев на него, ощутила себя, и правда, очень-очень взрослой. Потом подошла мама и сказала, что она у неё уже большая и должна ей помогать.

Ну надо, значит надо.

Когда девчонки — сверстницы играли во дворе в дочки-матери, она со счастливой обречённостью раскатывала коляску с сестрой взад-вперед, непомерно гордая тем, что у нее теперь есть самая настоящая живая лялька. Лялька — она и сестру так называла, первоначальное имя — Оля так и не прижилось.

Подружки поначалу, конечно, проявляли некоторое любопытство: подбегали к коляске, сюсюкали, умилялись, заглядывая внутрь. Но надолго их заинтересованности не хватало. Не проходило и пяти минут, как они, влекомые тягой к своим игрушечными куклами и кастрюлям, спохватывались и разлетались по сторонам, как стая испуганных воробьев.

Вот чудные!

Приходилось развлекать себя самой. Вынужденная изоля-

ция при живости её характера и склонности к общению привели к тому, что она стала разговаривать со всем, что попадалось ей на глаза: с деревьями, облаками, кошками, воронами, пуговицами, варежками, снежинками, и так до бесконечности. В дело шло всё, даже червяки.

Так возникла, росла и крепла ее дружба с Мирозданием.

Скучать не приходилось. Ещё бы, с таким собеседником всегда было о чём поговорить. Правда по мере того как взрослела, появлялось всё больше вопросов. Наверное, поэтому и не спалось по ночам.

Мироздание со своей стороны старалось, как могло. Например, когда она спрашивала, почему люди не летают, давало ключ к разгадке в виде неизбывной тоски и безысходности Евы, изгнанной из Рая. Оставалось провести параллели, и ответ становился очевиден. Другое дело — устаивал ли её этот ответ.

Так или иначе, дела с Мирозданием обстояли не так уж плохо, а вот объективная реальность в последнее время давала существенный сбой.

Во-первых, потеряла работу, а точнее уволилась. Причина банальная — начальник приставал. Месяц с лишним прошел в безуспешных поисках. И самой жить не на что, и нечем помочь сестре.

Тут мы подошли ко второй, самой главной проблеме.

Суть её заключалась в том, что Лялька как-то вдруг взяла и неожиданно выросла. Казалось, только вчера в коляске её

возила, а она уже и школу успела окончить и в театральный институт поступить. То-то радости поначалу было!

Зато теперь невмоготу.

Отчего спрашивается? Ну оперился птенчик, улетел из родного гнезда. Такое со многими случается. Только она и не предполагала, что разлука с сестрой дастся ей так тяжело, совершенно не была к этому готова. Вот ведь как получается — жила себе, жила и не заметила, что не Лялька от неё, а она от Ляльки зависеть стала.

Жизнь была проста и понятна — отвести сестру в школу, забрать, покормить, сделать уроки. Потом музыка, танцы, разные кружки. Лялька была очень талантливая. И пела, и плясала. А как читала стихи! Характер, конечно, не простой — взбалмошный. Не раз приходилось отдуваться за неё на родительских собраниях, по части попадания в разные ситуации у неё тоже был талант.

Счастливое было время, хоть и хлопотное. А что теперь? О ком заботиться? Кого вытаскивать из передряг? Пусто. Не привычно. Все валится из рук. Вот и работу потеряла. И вообще, пошло всё куда-то наперекосяк. Короче, кризис. Что делать? Как быть? Опять просить помощи у Мироздания? А ну как возьмёт, да и пошлет её к чёрту со всеми её проблемами.

Девушка усмехнулась где-то внутри себя и, изображая из себя Гамлета, обратилась к Луне:

— Пошлёт иль не пошлёт? Вот в чём вопрос.

А та, как уполномоченный представитель этого самого Мироздания выкинула такую штуку: на белом сияющем её лике вдруг проступили черты человеческого лица, и в какую-то секунду девушке показалось, что Луна взяла и ей подмигнула.

— Брр! — замотала она головой, — вот к чему приводят бессонные ночи.

Пожалуй, лучше прогуляться.

Спрыгнула с подоконника, быстро, как будто куда-то опаздывала, оделась и, перекинув через плечо сумочку, выбежала прочь.

Отрезвленная ночной прохладой, в бесцельном упоении бродила она по пустынным улицам и подворотням, а ночь, ринувшись навстречу, проводила над ней свой магический ритуал.

Кто сказал, что новую жизнь надо начинать с понедельника? Ночь — вот что является идеальной точкой отсчета. И не важно, какой день недели при этом будет — пятница или, к примеру, среда. Впрочем, сегодня, кажется, было воскресенье.

Растворив в ночи все ненужные мысли и тревоги, девушка отпускала прошлое, обнулялась, а где-то внутри, под ложечкой, уже зарождалось новое сладко-щекочущее чувство. Нет, не чувство даже, предчувствие. Предчувствие перемен. Преображенные темнотой, словно ожившие, деревья тянули к ней свои руки-ветви. «Ничего не бойся» — шептали ветер

с листвой.

А она и не боялась. Наоборот, ощущала в себе какое-то бесшабашное бесстрашие и растущий с каждым шагом, с каждым новым вздохом прилив сил. Будто где-то внутри открылись потайные шлюзы и они, эти силы, спящие до настоящего момента, вдруг проснулись и полились через край.

Энергии было так много, что хотелось её быстрее потратить, свернуть горы, например. Ну или в связи с их отсутствием совершить какой-нибудь другой неуместный подвиг.

В сущности, всё так и произошло. Горы не горы, а вот шею себе чуть не свернула. Споткнулась о колдобину на дороге. И тут же из-под носка ботинка выкатился, точно колесо фортуны, и запетлял зигзагами по асфальту маленький круглый плоский предмет.

Ну выкатился и выкатился. Шла бы себе дальше. Ан нет, подняла, стала с дотошностью рассматривать. Крутила, вертела и так, и эдак, но что такое сие есть, так и не поняла.

И только когда подняла глаза и увидела впереди горящую вывеску казино, мгновенным и ярким, как молния, озарением пронзило — фишка!

И так же быстро, сходу, пришло решение. Всё, хватит! Неправильно и даже вредно жить чьей-то жизнью. Пришло время начинать свою!

— Ваше Бесподобие! Шеф! Клянусь, я был уверен в том, что деньги были именно в сумочке. Ну что я, мыслей читать

не умею?

— Вот именно. Вы, Рукоблудный, были уверенны в том, что она и сама так считала. Выходит, девчонка — либо растяпа, каких мало, либо ещё более редкостная пройдоха. Так или иначе, она вас провела. Пожалуй, и впрямь, стоит присмотреться к ней повнимательней.

Оппонент шефа с непристойной, но очень ему подходившей фамилией (руки его, непропорционально длинные относительно короткого туловища, всегда были заняты каким-нибудь делом), сцепив пальцы в замок и вывернув локти наизнанку, изобразив на лице вселенскую обиду, произнёс:

— Лучше бы вы, шеф, ко мне повнимательней присмотрелись. Деньжат подбросили бойцу невидимого фронта.

— Бойцу, говорите?

— Вот именно.

— Не подброшу.

— Нет?

— Нет.

— А жертве Сопротивления?

— Тем более.

— Тогда активисту?

— Активисту чего?

— Ну этого… как его… броуновского движения.

— Клоуновского.

— Как скажете… Как насчёт ветерана труда?

— Инвалид в данном случае будет уместнее.

— Спасибо за подсказку, учту.

— Пожалуйста. Вы закончили?

— Почти. Шеф, может, вы будете более благосклонны к заслуженному деятелю?

— Заслуженному бездельнику.

— Ударнику?

— Бездарности. Рукоблудный, да заткнетесь же вы наконец?

— Ладно, просто герою. Хотя у меня, между прочим, остались ещё чемпионы и лауреаты.

— Определенно, я вас когда-нибудь задушу.

— Всё, молчу. Ну так как насчет финансов?

— И речи быть не может.

— Шеф, ну что вам стоит пару фокусов проделать.

— Ничего не стоит. Только я, в отличие от вас, не фокусник. Сами сели в лужу, сами теперь и фокусы проделывайте. Всё, Рукоблудный, убирайтесь к чёртовой бабушке. Надоели.

— Как, опять? Только и знаете; вы меня к ней, она к вам. Совсем у вас совести нету.

— Чего нет, того нет, это вы верно заметили.

— Придется банк брать, — почесав за ухом, деловито насупился Рукоблудный, — хотя вы, конечно, скажете, что я неоригинален.

— Вы неоригинальны.

— А как вы думаете, шеф, что девчонка будет делать с

деньгами? Наверняка, захочет открыть счёт?

— Так вы что же, счёты с ней сводить собираетесь? Не советую, Рукоблудный, не советую. Совершенно напрасная затея.

— Остаётся выяснить, куда эта пигалица понесет свои, то есть наши денежки, — игнорируя предостережения шефа, продолжал Рукоблудный. — Что там у нас рядом с её домом? Банк «Русский Промышленник». Звучит, как «злоумышленник». С него и начнем.

— Послушайте, Рукоблудный, — обратил к нему скучающую физиономию шеф. — Сделайте одолжение, оставьте себе ваши заботы… Скажите лучше, насчет Камня есть информация?

Рукоблудный, плюнул на ладонь, пригладил жидкие волосы.

— Минуточку!

Приосанился и, церемонно достав из-за пазухи свежий номер «Таймс», протянул его шефу. Тот, шурша листами, развернул газету, и, найдя нужный заголовок, быстро пробежал глазами по строчкам.

— Что пишут? — полюбопытствовал из-за его спины Рукоблудный.

— Пишут, что след теряется в Гааге, — нахмурился шеф. — Идиоты, это мы и без вас знаем.

— Я, конечно, дико извиняюсь и прошу пардона, — лилейным голосом заговорил Рукоблудный видя, что шеф яв-

но не в духе, — вы, наверное, скажите и, как всегда, будете правы, что это не моего ума дело, только что же мы тогда в этой дыре то делаем? Заурядинск, что за место то такое?

— Всему своё время, Рукоблудный, своё время, — пространно ответил тот.

Затем метнул на собеседника острый, как клинок, взгляд, от которого даже видавший виды Рукоблудный съежился, убрав голову в плечи, и сказал в заключение:

— И вообще, не вашего это ума дело.

— Здравствуй мир, я проснулась, — сказала девушка, раздвигая шторы и щурясь от яркого солнечного света. Сладко потянулась — сколько же я проспала?

В памяти обрывками странного неправдоподобного сна всплыла череда вчерашних событий. Нет, она, конечно, собиралась изменить свою жизнь, но не настолько же кардинально.

Ладно, подумаем об этом позже. А сейчас — в душ.

Безжалостно обливала себя холодной водой до тех пор, пока на кухне пронзительной сиреной не засвистел чайник.

В холодильнике оставались два последних яйца. Ничего, жить можно. А потом можно будет торт купить. И мороженое. Лучше два. Или нет, три. Ну и всё остальное.

По случаю начала новой жизни, решено было постелить на стол новую скатерть. Скатерть была белая, в желтый горох. А что, веселенькая, довольно констатировала девушка,

и с яичницей сочетается.

С Матильдой делиться не стала — самой мало. Пришлось бедняге допивать вчерашнее молоко.

Ничего, подруга, будет и на нашей улице праздник! Как там в «Мальчише-Кибальчише»? Нам бы день простоять, да ночь продержаться. А мы, похоже, продержались. Да, Матильда, мы — молодцы! А деньги, которые мы с помощью того сомнительного типа выиграли, можно считать компенсацией за моральный ущерб. Так что всё честно.

С яичницей расправилась в два счёта, чай пить не стала — не терпелось своё богатство побыстрее пересчитать.

Перенесла пачки в комнату. Ну и деньжищи!

Разорвала бумажные ленточки, смешала всё в кучу. Затем взяла сколько могла в охапку и подбросила всё к потолку. Настоящий денежный фейерверк получился. А чтобы он не прекращался, подбирала упавшие купюры и снова, и снова подбрасывала их вверх.

Матильда, зайдя в комнату, поначалу с осторожностью наблюдала за хозяйкой, но потом и сама не удержалась — начала носиться по полу за разноцветными бумажками, не давая им ни на секунду улечься. Получался уже не фейерверк, а какое-то спортлото.

Наконец угомонились.

Пришлось заново всё собирать. Но до чего же приятное было это занятие! Матильда и тут помогала — лапой доставала из-под дивана застрявшие бумажки.

После того как, деньги были наконец посчитаны, девушка разделила их на три части: одну большую и две маленькие.

— Одну часть сегодня же отправим Ляльке, — рассудила она. — Одну оставим себе. Нам этого вполне хватит на первое время. Согласна, Матильда?

Матильда вильнула хвостом.

— Ну а с остальным что делать будем? — речь шла о третьей, самой большой отложенной части. — Вот что, положим-ка эти деньги на книжку.

Девушка принесла из прихожей пачку газет и стала искать информацию о действующих в городе банках. Ещё одно веянье времени — банки, как и казино, появлялись повсюду с такой скоростью, с какой растут в лесу грибы после дождя.

Открыв нужную страницу, девушка без лишних сомнений вычеркнула банки с самыми низкими процентными ставками. Теперь из тех, что оставались, нужно было выбрать тот, что находился ближе всего к её дому. Банк «Русский промышленник»? Годится. Это совсем недалеко.

Ещё до того, как закрыла газету, взгляд непроизвольно опустился к столбикам частных объявлений. Выхватил: «Мадемуазель Эсмеральда. Исполнение всех ваших желаний». Странное какое-то объявление, подумала девушка. Хотя почему странное? Сейчас таких объявлений пруд пруди.

Закрыла газету и тут же о нём забыла.

Натянула джинсы, собрала волосы в привычный высокий

хвост. А когда приготовилась положить деньги в сумочку, спохватилась — сумки то нет! Чёрт… и паспорт! Занятая последние дни поиском работы, она всегда носила его с собой.

Сердце тревожно забилось. С потерей паспорта рвались последние ниточки, связывающие её с прошлым. Нет паспорта — нет человека. Выходит, что в новую жизнь со старым паспортом никак нельзя? Разве могла она предположить, назвавшись вчера чужим, сходу придуманным именем, что её выходка будет иметь столь далеко идущие последствия.

Девушка подошла к зеркалу и внимательно всмотрелась в своё отражение.

— Что ж, Глафира так Глафира, — сказала она, кивнув своему отражению. — Приятно познакомиться. Ничего, как-нибудь и без паспорта проживём.

Жалко, конечно, что без него деньги на книжку положить нельзя… Хотя почему нельзя? Очень даже можно.

Подошла к книжной полке, достала большую увесистую книгу (кажется толковый словарь) и положила на неё отложенные пачки. Уф! Наконец-то пристроила.

Теперь можно идти мороженное покупать!

Изольда Ивановна и Семён Петрович Цветиковы всю свою сознательную жизнь проработали учителями в школе. Изольда Ивановна преподавала русский язык и литературу,

Семён Петрович прививал подрастающему поколению любовь к музыке и труду.

Так сложилось, что собственных детей у них не было, и теперь, выйдя на пенсию, они находили утешение в обществе друг друга.

Отношения их до сих пор были такими нежными и трогательными, что Семён Петрович до сих пор называл Изольду Ивановну «пупсиком». И это не звучало в его устах как-то вычурно или вульгарно. Маленькая пухленькая Изольда Ивановна, невзирая на свой почтенный возраст, вполне соответствовала этому прозванию.

В то утро, о котором пойдет речь, Изольда Ивановна приготовилась выносить мусор. Открыв дверь и выйдя на лестничную площадку с мусорным ведром в руке, она увидела перед собой такую картину: какой-то мальчишка рисовал на стене гадкие рожи и писал неприличные слова.

Безобразие! Между прочим, в подъезде только что сделали ремонт. И вообще, ей, как учительнице русского языка и литературы, это было вдвойне неприятно.

Надо заметить, что несмотря на свой большой учительский стаж, Изольда Ивановна кричать на детей так и не научилась, и каждый раз, когда требовалось это сделать, приходила в замешательство. Поставив мусорное ведро на пол, она собралась с духом и, старательно повышая голос, произнесла:

— Ах ты, негодник! Вот я тебе…

И тут же запнулась, потому что по большому счету не знала, что может этому негоднику сделать. Оставалось надеяться на то, что мальчишка, застигнутый врасплох, испугается и даст дёру.

Только не тут то было.

— Ты бы ещё родителей моих вызвала, старая кошёлка, — обернувшись, с невозмутимым видом произнёс он.

Изольда Ивановна опешила, а хулиган, продолжая извергать из себя поток ругательств, усмехнулся криво и двинулся прямо на неё.

По мере того как он приближался, черты его лица непостижимым образом менялись, и когда он почти вплотную приблизился к Изольде Ивановне, оказалось, что на неё смотрит не мальчик вовсе, а мерзкий маленький мужичок.

От такого превращения Изольде Ивановне сделалось совсем худо, и она даже приготовилась упасть в обморок, но хулиган сделать этого не дал: потрепал бледную как полотно старушку по щекам и всучил выуженную из-за пазухи бутылку «Абсолюта».

— Это м-мне? — мёртвой хваткой вцепившись в узкое стеклянное горлышко, пролепетала та.

— Тебе, тебе.

— З-зачем?

Мужичонка смачно сплюнул и ответил, поставив точку в их коротком и очень неприятном разговоре:

— Напиться и забыться.

Загоготал во всё горло, развернулся и вразвалочку зашагал вниз по ступенькам. А Изольда Ивановна медленно сползла по стене, сумев-таки осуществить свое первоначальное намерение.

Именно в таком состоянии — в беспамятстве, с бутылкой водки в руке, застал её Семён Петрович, обеспокоенный долгим отсутствием жены.

Кому «посчастливилось» застать эпоху Перестройки, помнят и пустые полки в магазинах, и продукты по талонам, и длинные очереди, если где-то вдруг «выбрасывали» какой-то товар.

Глафире повезло — все основные составляющие продуктовой корзины удалось удачно приобрести. И даже больше. Торт был свежайший, только-только привезли. Стоять в очереди за зимними румынскими сапогами не стала, когда она ещё эта зима. А вот местную клубнику и пучок зелени у бабулек с удовольствием купила. Ну и мороженное, конечно. Любимое ароматическое, в бумажном стаканчике, за шесть копеек. Забрала последние пять штук. Два съела прямо тут же. Остальные три оставила в качестве стратегического запаса.

На пути домой увидела впереди подозрительное скопление людей. Как раз напротив здания банка «Русский промышленник». Территория, прилегающая к зданию, была оцеплена, возле входа стояло несколько милицейских ма-

шин.

Принимая в расчёт предшествующие обстоятельства, всё это было, по меньшей мере, странно.

Подойдя ближе и, узнав в толпе любопытствующих бывшую одноклассницу, спросила у неё, что стряслось.

— Банк ограбили! — радостно сообщила та, словно это была самая долгожданная новость на свете.

Глафира, наоборот, узнав причину переполоха, помрачнела и, не слушая дальнейшей болтовни подруги, задумчиво побрела прочь.

События словно бусинки продолжали нанизываться на невидимую нить. Ах, как хотелось думать, что это всего лишь совпадение, но голос внутри безжалостно твердил: и не надейся. Хотела новую жизнь — получай. Только знай: в ней больше не будет места простым случайностям и совпадениям.

Между тем, ещё один неприятный сюрприз ждал её впереди…

Она часто поднималась на свой шестой этаж пешком. Особенно сейчас, после сделанного в подъезде ремонта. Ей нравилось, рассчитывая свои силы, взбегать по ступенькам вверх и любоваться свежеокрашенными, будто заново родившимися, лестничными пролётами. Даже запах до конца не выветрившейся краски был ей приятен.

Но сегодня пришлось воспользоваться лифтом, слишком много сумок в руках.

Вышла, и внутри всё оборвалось.

На стене вызывающе бросалась в глаза надпись.

Надпись призывала к бдению «лучших представителей человеческого рода» и начиналась таким обращением:

МЕРЗАВЦЫ И ПОДОНКИ! УБЛЮДКИ И НЕГОДЯИ! КРЕТИНЫ И ПРОСТО КОЗЛЫ!

Дальше большими чёрными буквами, с большим количеством восклицательных знаков, шёл сам призыв: НЕ СПАТЬ!!!!!!!!!!!!!

Как иллюстрация ко всему этому безобразию, ещё и нарисованная козлиная морда прилагалась.

Дома уже безо всякого энтузиазма стала разбирать сумки. И снова всё тот же вопрос не выходил из головы. Случайность? Совпадение? Вряд ли. Уж больно почерк похож. Буквы такие же корявые и размашистые как те, на остановках.

Звонок в дверь прервал её размышления.

Звонила Изольда Ивановна, её соседка.

— Что же это такое делается? — с порога запричитала та.

— Изольда Ивановна, не волнуйтесь так, пожалуйста. Проходите. Мы с вами сейчас чайку попьем, успокоимся и поговорим.

Глафира обняла Изольду Ивановну за плечи и повела на кухню.

— Какой там! — махнув рукой, всхлипнула та. — Вы видели, что с нашими стенами сделали?

— Видела, — вздохнула Глафира, подставляя Изольде Ивановне стул. — Может, валерьяночки?

— Уже пила.

— И что?

— Не помогает.

— Тогда остаётся последнее средство.

— Какое? — с надеждой посмотрела на неё Изольда Ивановна.

Та сделала серьёзное лицо.

— Застрелиться. — И добавила: — Можно ещё утопиться или повеситься.

— Вам смешно?

— Изольда Ивановна, это всего лишь стены. Нельзя из-за этого так убиваться.

— Если бы только из-за этого! — и Изольда Ивановна поведала ей о том, что сегодня с ней произошло.

Глафира слушала очень внимательно. И по мере выяснения новых подробностей, к сочувствию, вполне в данном случае уместному, стали примешиваться ещё и признаки личных переживаний. Когда рассказ был окончен, лицо её разгладилось, и она ровным спокойным голосом произнесла:

— Изольда Ивановна, не волнуйтесь больше из-за этого. Обещаю — всё будет хорошо.

— Да как же не волноваться? — не желала успокаиваться та. — Надо же принять какие-нибудь меры!

В глазах Глафиры вспыхнул весёлый огонёк.

— Ну что ж, принять так принять. Несите-ка сюда вашу бутылку.

— Вы это серьёзно? — опешила та.

— Абсолютно. Во всём, моя дорогая Изольда Ивановна, надо искать положительные моменты. У нас в стране, между прочим, спиртное исключительно по талонам. Так что при желании вы могли бы своей бутылкой ещё и выгодно спекульнуть.

— Я не спекулянтка! — обиделась Изольда Ивановна.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь. Поэтому предлагаю использовать вашу бутылку по её прямому назначению. Кстати, что там у вас за водка? Не палённая, надеюсь?

— Аб-бсолют, — заикаясь, ответила та.

— Ну тогда тем более.

Когда бутылка была наконец доставлена, неожиданно возникла другая проблема — с закуской. Вроде бы продуктов было закуплено предостаточно, но не станешь же закусывать нечищеной сырой картошкой, яйцами или молоком. Крупы и сахар для этой цели тоже не подходили. Оставался торт.

— Изольда Ивановна, вы торт будете? «Сказку»?

Та скривилась.

— Давайте я лучше солёненьких огурчиков принесу?

Огурчики это, конечно, хорошо. Только жалко было гонять бедную Изольду Ивановну туда-обратно.

— Не надо. Мы с вами по-быстрому, без закуски. Чисто символически.

— Ладно. У меня всё равно после всего случившегося весь аппетит пропал.

Глафира наполнила стопки.

— За что будем пить Изольда Ивановна?

— Ох, и не знаю, — завздыхала та, — такая тяжёлая жизнь нынче пошла.

— Ну прям такая и тяжёлая? — засмеялась Глафира.

— Вы ещё молоды, вам всё — шуточки. А я, знаете ли, своё пожила. Знаю, что говорю. Не уж то сами не видите, что вокруг из-за этой Перестройки творится?

— Значит, пьём за перестройку?

— Не надо передёргивать.

— Да вовсе я не передёргиваю. Очень хороший, просто замечательный тост. Всё равно, что за новую жизнь пить. У нас ведь, как говорится, перестройку надо начинать с себя.

— Вы на что намекаете?

— Я намекаю на то, что давно уже пора выпить.

Изольда Ивановна брезгливо взялась за рюмку.

— Вообще-то, я не пью.

— Я, вообще-то, тоже.

И Глафира чокнувшись, первой опорожнила свою стопку.

— Эх, была не была! — Изольда Ивановна отчаянно мотнула головой и последовала её примеру.

Водка сначала непривычно обожгла, а потом разлилась по телу таким приятным теплом, что Изольде Ивановне показалось, что её закутали в мягкое пуховое одеяло.

Потом наступила невесомость. Давно не молодое, дающее о себе знать постоянными болями и прострелами, тело перестало ощущаться. Тяжёлая с самого утра голова приятно кружилась и тоже перестала болеть. Похоже, что в ней — голове что-то сдвинулось, и жизнь начала казаться Изольде Ивановне не такой уж и мрачной.

Дальнейшая беседа потекла легко и непринуждённо. Через слово уже смеялись и хохотали, а то и вовсе, не сговариваясь, как по команде, бросались обнимать друг друга, в стихийном любвеобильном порыве вскакивая со своих мест.

Под конец и вовсе запели.

Репертуар состоял преимущественно из русских народных песен. И не потому что Изольда Ивановна современную эстраду не жаловала. Просто в минуты особой радости и душевного подъёма хочется петь именно их.

Пели громко, голосисто. Хотя и не слишком стройно. Как говорится, кто в лес, кто по дрова.

Песни, правда, быстро закончились. Глафира, к своему стыду, с фольклором была знакома поверхностно, а петь одной Изольде Ивановне не хотелось. Стали думать-вспоминать, что бы ещё такое исполнить. Думали-думали, вспоминали-вспоминали, вспомнили — «Во поле берёзка стояла».

Тут и вовсе такое веселье пошло, такое народное гулянье развернулось. Поднялись, расставили руки пошире и, не переставая горланить, принялись хороводы водить.

Нетрудно представить, какой эффект произвело это зре-

лице на Семёна Петровича, человека нежного и впечатлительного, когда он, вынужденный слушать, как фальшивят за стеной две пьяные неугомонные женщины (не забывайте, он был учителем музыки), потерял всякое терпение и вошёл (разумеется предварительно постучавшись) в незапертую дверь.

Потрясенный Семён Петрович застыл, словно персонаж с картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», постоял так минуту-другую и, отойдя от первых впечатлений, сдавленным голосом произнёс:

— Пупсик, пожалуйста, пойдём домой.

Женщины остановились и посмотрели на Семёна Петровича так, будто перед ними возникло приведение.

Изольда Ивановна сделала шаг назад, смерила мужа оценивающим взглядом, икнула и с мечтательным видом произнесла:

— Так вот ты какой…

Семён Петрович не знал, как себя вести. Никогда ещё не видел он жену в таком состоянии.

— Пупсичек, умоляю пойдём домой, — снова пролепетал он.

— Сеня, я не могу, — сказала Изольда Ивановна с таким серьёзным и ответственным видом, будто речь шла о долге перед Родиной.

— Но …почему? — взмолился Семён Петрович.

Изольда Ивановна приблизилась и сообщила ему на ухо:

— Мы ещё про берёзку не допели.

Деваться было некуда.

— Ну, хорошо, вы допойте, а я тебя тут подожду.

Получив одобрительный кивок от жены, Семён Петрович встал в сторонку, а женщины, приготовившись петь, снова взялись за руки.

Но через секунду передумали. Изольда Ивановна кинула загадочный взгляд на мужа и поманила его к себе.

— Вот что Сеня, нечего дурнем стоять — будешь берёзкой, — сообщила она радостную весть.

Заключив Семёна Петровича в свой тесный круг, певуньи протяжно запели.

После того, как были пропеты слова «Во поле берёзка стояла. Во поле кудрявая стояла» Изольда Ивановна опять остановилась.

— Сеня, ну не стой ты истуканом. Ты же берёзка. Кудрявая. Вот и покажи мне это. Сделай ручками вот так. Вот-вот, уже лучше. Ещё раз, сначала.

Пропели заново первый куплет. Изольда Ивановна и на этот раз осталась чем-то недовольна. Прервав песню, набросилась на Семёна Петровича:

— Никуда не годится, Сеня. Ну что ты словно отмороженный какой-то! Ты представь, берёзка стоит одна в поле, на ветру гнётся. Покажи мне, как ты гнёшься на ветру.

Семён Петрович показал.

— Не верю, Сеня! Не-е ве-рю!

Семён Петрович ещё раз показал, стараясь быть при этом как можно более убедительным.

— И про то, что кудрявая не забывай. Где ручки? Так, всё сначала. И помни, Сеня, отличить ноту «до» от ноты «ре» — не главное в этом мире.

Семён Петрович старался, как мог. Уже удачно миновали первый куплет с припевом. Приступили ко второму, тому самому, где говорится, что бедную берёзку собираются «заломать». С какого-такого перепуга непонятно, но разбираться было недосуг.

Семёна Петровича охватила паника. Нервы не выдержали. Вырвавшись из цепких женских объятий, он с криком «Караул!» самым постыдным образом бежал прочь.

Женщины недоумённо переглянулись.

— Он у меня такой впечатлительный, — виновато пожала плечами Изольда Ивановна.

— Пожалуй, Изольда Ивановна, вам, и правда, пора домой. Будем надеяться на то, что Семён Петрович не успеет дозвониться до психушки.

— Да-да, вы правы, — обеспокоенно закивала головой Изольда Ивановна и направилась к двери.

Но перед тем как уйти, обернулась, подмигнула Глафире и выдала на прощанье:

— А жизнь и правда не такая уж и плохая штука!

Глава 3. На войне как на войне

На следующее утро Глафира проснулась в на редкость хорошем настроении. Голова не то, что не болела, была ясной как никогда. Странно, подумала она, а говорят, что после пьянки наоборот всё бывает.

Вот и верь после этого людям.

Достала стремянку, стала рыться на антресолях.

В результате выгребла из-под завалов начатую, но не использованную до конца, большую металлическую банку с краской. На всякий случай поболтала — вдруг высохла. Краска — ура! — издав гулкий утробный звук, тяжело болтанулась внутри.

Спустившись, продолжила поиски. У Ляльки был где-то набор масляных красок для живописи. Ага, вот он — в письменном столе.

Одела старый джинсовый комбинезон, повязала волосы яркой косынкой и, присовокупив к найденному богатству пару бэушных кистей, направилась к Изольде Ивановне.

Та открыла дверь с сияющей улыбкой на лице. Да, так с похмелья не улыбаются, в подтверждение своих недавних мыслей отметила про себя Глафира.

— Вот, Изольда Ивановна, будем принимать меры, — объяснила она, кивнув на краску с кистями. — Может, у вас тоже что-нибудь отыщется?

Изольда Ивановна с готовностью отозвалась:

— Есть банка совершенно новой белой масляной краски. Семён Петрович собирался окна красить. Берите. Окна подождут.

Исчезла и через пару минут принесла обещанное.

— То, что надо, — одобрительно мотнула головой Глафира.

Приняв из рук Изольды Ивановны ценный трофей, пристроила его к тому, что имелось и осторожно, соблюдая баланс, перенесла эту пирамиду к месту назначения.

План был такой: разлить белую краску по пустым стеклянным банкам и выдавить в каждую по тюбику из набора для живописи. Но сначала — получить тон, максимально приближенный к цвету стены. Он понадобится для того чтобы закрасить все непотребства.

Глафира смешивала краски и пыталась вспомнить, когда она в последний раз рисовала. Выходило — очень давно. Тогда, когда у неё ещё не кончилось детство. Потом, когда появилась Лялька, и она сама начала ходить в школу, ей, конечно же, тоже приходилось иметь дело с кисточками и красками, но она совсем этого не помнила. Странно — почему?

Изольду Ивановну тем временем, раздирало любопытство. Высунув голову из-за двери, она сначала подглядывала за тем, что происходило на лестничной площадке, но потом не выдержала — подошла.

— Не помешаю? — вежливо поинтересовалась она.

— Пока нет, — ответила Глафира, увлечённо возясь с красками.

Изольда Ивановна вздохнула и по обыкновению начала причитать:

— Что же это делается, а?

Глафира поднесла палец к губам.

— Тише, Изольда Ивановна, враг услышит.

— Какой ещё враг?

— Разве вы не поняли? Нам объявили войну.

— Ох, батюшки мои! — Изольда Ивановна от такой неожиданности чуть не подпрыгнула. — Какую ещё войну?

— Самую настоящую, — было видно, что Глафира не шутит. — А на войне, Изольда Ивановна, как на войне. Главное — разгадать замысел противника. Вот вы как думаете, какая у него цель?

— Ясное дело, какая, — не долго думая, ответила Изольда Ивановна. — Испоганить наш подъезд.

— А вот и нет. — Глафира поставила банку на пол. — Его цель — вывести нас с вами из душевного равновесия. А эти каракули, — продолжала она, показав взглядом на стену, — средство для её достижения. Никогда, ни под каким предлогом нельзя показывать противнику того, что он своей цели добился. На войне это правило номер один. — Глафира ненадолго прервалась и посмотрела на Изольду Ивановну пристально и строго. — Поэтому отныне никаких жалоб, причитаний, обид на судьбу, гнева, раздражения и тому по-

добных эмоций. Представьте, что враг в любую секунду может стоять у вас за спиной…

Не успела Глафира закончить, как в другом крыле коридора, за лифтом раздался прерывистый глухой звук, похожий на сдавленный, внезапно оборвавшийся кашель.

Может показалось?

Судя по испуганному лицу Изольды Ивановны выходило, что нет.

За лифтом, однако, никого не оказалось. Вероятно, кашляли в другом месте. И только на полу подозрительно валялась недоеденная кем-то покорёженная вобла.

Глафира выбросила воблу в мусоропровод, вернулась и продолжила:

— Правило второе — никогда ничего не бойтесь. Бояться — значит заведомо проиграть.

— Ну как же я могу не бояться, когда я боюсь? Я всю жизнь была ужасной трусихой. Давайте вы лучше одна повоюете, а я как-нибудь в другой раз.

— Не получится. Вы — свидетель, вы видели врага в лицо и даже с ним разговаривали. Значит, вызов сделан и вам.

Изольда Ивановна тяжело вздохнула.

— Ну не вздыхайте вы так ради бога. Не мы начали эту войну. — Глафира взяла Изольду Ивановну за руку. — Нельзя же сдаваться вот так, без боя.

— Но что же я могу поделать? — чуть не плача отвечала та. — Я ведь так боюсь, так боюсь, вы себе и представить не

можете.

Глафира кивнула.

— Ладно, продолжайте себе бояться, — на это раз удивительно легко согласилась она, — только делайте это с толком. Например, с сегодняшнего дня бойтесь бояться.

— Как это? — опешила старушка.

— А это уж как хотите. Попробуйте, вдруг получится.

— Совсем вы меня запутали.

— Изольда Ивановна, миленькая, надо же хотя бы попытаться.

Та снова вздохнула.

— Ладно, я попробую.

— Вот и хорошо.

Теперь, после того как были изложены основные положения теории, можно было приступать к практике. Глафира, вооружившись полученной бежевой краской цвета стен, принялась закрашивать надпись. Буквы, если присмотреться, ещё проступали, но уже не так бросались в глаза.

Изольда Ивановна была впечатлена.

— Надо же, почти совсем незаметно, — приободрившись, сказала она.

— Ну, совсем незаметно не получится, — Глафира потеребила деревянной кисточкой кончик носа. — Я хоть и не художник, но попробую здесь что-нибудь нарисовать. Правило номер три: нападение — лучший способ защиты.

Изольде Ивановне идея понравилась.

— Значит теперь у нас будет не просто новый, как у всех подъезд, но ещё и самый красивый?

— Вот именно, — с воодушевлением отозвалась Глафира.

— Тогда вот что, вы рисуйте, а я вас своими разговорами больше отвлекать не буду. Домой пойду и тоже какими-нибудь полезными делами займусь. Борща наварю, котлет нажарю, пироги затею. Вам теперь на такие пустяки некогда будет отвлекаться. А когда закончите, будьте любезны к нам с Семеном Петровичем на обед.

Глафира собралась было вежливо, чтобы не обидеть старушку отказаться, но Изольда Ивановна её опередила.

— И никаких отказов. Вам теперь хорошо питаться надо будет.

Ну что тут скажешь!

— Есть! — Глафира вытянувшись по струнке как солдат перед генералом, поднесла ладонь к виску. — Есть — есть!

И обе дружно рассмеялись.

Изольда Ивановна ушла хлопотать по хозяйству, а Глафира присела на ступеньки и начала фантазировать.

Первый образ, который нужно будет нарисовать, должен быть особенным. Образ — послание, который покажет врагу, что она его не боится и готова принять его вызов.

В потоке взбудораженного воображения образы следовали нескончаемой вереницей, сменяя друг друга, но нужный, тот самый никак не приходил.

И вот наконец возник, выплыл из глубин подсознания!

Глафира увидела то, что искала: в языках пламени гордую и бесстрашную птицу феникс с женским ликом вместо пернатой головы. Лик был светел и ясен и смеялся в лицо опасности, невзирая на подступающий со всех сторон огонь.

Схватила кисть, начала накладывать на стену яркие смелые мазки. Жадно и лихорадочно, будто последний раз в своей жизни. Руки неистово метались, глаза горели странным, почти безумным огнём.

Когда закончила, не поверила своим глазам. Неужто получилось? Ну, конечно, ещё как получилось! И смеющееся лицо, написанное, может быть, и не слишком умело, по-дилетантски, но имеющее как раз ту степень сходства, которая нужна была для того, чтобы узнать её тому, для кого это предназначалось. И играющие всевозможными оттенками, словно трепещущие, вот-вот готовые к полёту крылья.

Оказывается, в каждом из нас живёт художник. Только мы этого не знаем. Мы, вообще, мало что знаем о себе.

Процесс оказался таким захватывающим и всепоглощающим, что Глафира совершенно забыла о времени. Поэтому ахнула, посмотрев на часы. Вот тебе раз, казалось и часа не прошло, а уже день на исходе.

Оставалось убраться: использованные банки выбросить, кисти помыть, оттереть заляпанный пол. Ну и себя в порядок привести, вон как вся перепачкалась. Это с непривычки. Ничего, краски масляные, в качестве растворителя обычное растительное масло сгодится.

К тому времени, пока закончила, успела проголодаться. Сунулась в холодильник, но тот в очередной раз разочаровал. Ничего интересного. Оно и понятно, для начала это интересное надо ещё приготовить. Снова довольствоваться яичницей? Ни за что. Торт «Сказка»? — тоже не хотелось.

И тут, хоть и с опозданием, вспомнила про Изольду Ивановну.

«Надо что-то делать со своим склерозом! — пробурчала Глафира, мысленно постучав себя по лбу. — Ведь не в первый уже раз». Но долго не самоедствовала, начав улавливать носом, как просачивается из соседней квартиры аромат жаренных домашних котлет и пирогов.

Одна нога здесь, другая там. Выбежала, остановилась, замерев перед заветной дверью, втянула в себя успевшие распространиться по всему подъезду головокружительные запахи и, чтобы не упасть в обморок от счастья, скорее нажала кнопку звонка.

Как преступника влечёт и манит на место преступления, так и Рукоблудному не терпелось вернуться в небезызвестный нам подъезд.

С утра, однако, вышла незадача. Не успел выйти из лифта, как послышался звук открывающейся двери. Пришлось спрятаться за стенным выступом.

Вышла девчонка, держа что-то в руках, и позвонила в соседнюю дверь. Открыла давешняя старуха. После короткого

диалога исчезла ненадолго, появилась снова и всучила девчонке какой-то металлический предмет. Краска, догадался Рукоблудный. Ах, вот вы что задумали!

Оставаясь в своём укрытии, Рукоблудный продолжал наблюдать за происходящим, попутно расправляясь с прихваченной по такому случаю воблой. Девчонка поначалу возилась с красками и ничего интересного не происходило, но потом появилась старуха, и между ней и девчонкой завязался разговор.

Содержание разговора ему не понравилось, и он приуныл даже. А когда до его ушей дошли слова о том, что враг, то бишь он, стоит у них за спиной, и вовсе поперхнулся.

Вот уж и правда незадача.

С досады швырнул воблу на пол. Необходимо было срочно исчезнуть, а поскольку спрятаться или уйти незамеченным в сложившейся ситуации не представлялось никакой возможности, оставалось одно — пройти сквозь стену.

Надо сказать, что занятие это Рукоблудный до крайности не любил и всякий раз прибегал к нему как к вынужденной мере. По причине того, что так и не научившись делать это в совершенстве, после каждого подобного экзерсиса чувствовал себя как старая развалина, прихваченная приступом радикулита.

Рукоблудный ещё сильнее возненавидел девчонку. Ну, я тебе покажу, со злостью прошипел он, после того как преодолев препятствие, оказался в небольшой комнате-кабине-

те.

Взгляд быстро пробежался по книжным шкафам и полкам, которыми здесь всё было уставлено, поверхностно и без всякого интереса. Затем резко остановился. Предметом, привлекшим к себе его внимание, был неуместно стоявший на письменном столе баян. Большой, лакированный, с перламутровыми кнопками. В какой другой раз Рукоблудный ни почём бы не устоял. Но не сейчас. Сейчас были дела поважнее.

Пристроив своё исстрадавшееся тело в кожаном кресле и кипя от негодования, Рукоблудный стал придумывать, как отомстит девчонке. О, какие рожи он ей нарисует! Какие слова напишет! Не слова, а Песнь песней Соломоновых. И так сладостно было ему это представлять, что он не заметил, как некоторое время спустя в комнату кто-то вошел.

Это был довольно упитанный пожилой мужчина с круглым выпирающим животом, в клетчатой рубашке и в штанах на подтяжках. Узнали? Ну, конечно, Семён Петрович, собственной персоной. По иронии судьбы именно в его с Изольдой Ивановной квартиру и попал, вынужденный спасаться бегством, хулиган.

Вполне естественно, что Семен Петрович немало удивился, когда увидел в своём кресле постороннего.

— Кхе-кхе, — прокряхтел он интеллигентно покашливая. — Вы, собственно, кто?

— Слушай, Карлесон, исчезни, — нехотя, как от назой-

ливой мухи отмахнулся от него Рукоблудный. — Не видишь — я медитирую.

— Позвольте, — разволновался Семён Петрович, — это уже слишком. Это, знаете ли, переходит всякие границы! У меня сердце, давление… Кто дал вам право? Как вы, я вас спрашиваю, здесь очутились? Кто вы такой, в конце концов?

Рукоблудный вылез из кресла и предстал перед Семёном Петровичем в полный свой рост.

— Кто-кто? — скорчив недовольную гримасу, передразнил он. — Конь в пальто.

Но в дальнейшие словесные перепалки вступать не стал, так что на этом дело и ограничилось.

Не имея больше никакого желания с кем бы то ни было связываться, Рукоблудный в горделивом молчании подошел к стене и непонятным образом, будто в ней растворился, исчез.

Этой его экстравагантной выходкой Семён Петрович был добит окончательно.

Пришлось возвращаться в проклятый подъезд ещё раз.

Как на Глафиру уставилась вчера наглая козлиная морда, так на Рукоблудного смотрел сейчас и улыбался прекрасный женский лик. Ещё более загадочный и как будто оживший в тусклом неоновом освещении. Лик этот хоть и принадлежал написанной всеми цветами радуги сказочной птице феникс, но как две капли воды был похож на саму девчонку.

Рукоблудный задрожал от ярости. Тоже мне, чудо в перьях!

Порывшись в кармане, достал черный уголёк, подрисовал птице усы — так-то лучше. Оставалось воплотить в жизнь фантазии, привидевшиеся ему, когда он, сидя в мягком кресле Семёна Петровича, предавался мечтам о мести.

Гадость ещё какую-нибудь написать и совсем будет замечательно!

Рукоблудный вывел на стене очередной свой словесный шедевр и, вполне собою довольный, отправился восвояси.

Утром настойчиво тревожным звонком в дверь Глафиру разбудила Изольда Ивановна. Встав ни свет ни заря, она первой увидела «художества» Рукоблудного.

— В картине боевых действий произошли изменения, — отрапортовала она, жестом приглашая Глафиру выйти в коридор.

Что ж, этого следовало ожидать — новые глумливые рожи и надпись «С чувством маразма достигнем оргазма!».

Изольда Ивановна по привычке вздохнула.

— Отставить! — повернулась к ней Глафира.

Та поспешила исправиться.

— Есть отставить.

— Спокойно, Изольда Ивановна. Всё идет по плану.

— По плану? И что, скажите на милость, нам теперь по вашему плану делать?

Глафира с весёлой беспечной произнесла:

— Ещё краску покупать.

Изольда Ивановна нахмурила лоб.

— Понимаю, понадобятся деньги.

— Победа любой ценой, — кивнула Глафира. — Вот вам, Изольда Ивановна, и очередное правило. Под номером, если не ошибаюсь, четыре.

— А что это вы такая радостная?

У Глафиры и в самом деле было прекрасное настроение. Ей так понравилось вчера рисовать, что она не только не расстроилась, а наоборот, обрадовалась, ведь у неё появился повод вернуться к этому занятию.

— Изольда Ивановна, всё, что не делается — к лучшему.

— Это что, правило номер пять?

— Нет, это просто правило, — констатировала Глафира, и вот уже бойко запрыгала верх по ступенькам.

— Вперёд! Нас ждут великие дела.

— Хотите, я вместе с вами в магазин за красками пойду? — предложила свою помощь Изольда Ивановна, послушно семеня следом.

— Ни в коем случае! — обернулась Глафира.

Категоричный отказ сопровождался лучезарной улыбкой.

— Хотите оставить армию без обеда?

Глава 4. Конь в пальто

Накупив всего столько, что едва смогла донести, от маленьких баллончиков и тюбиков до банок самых разных размеров, Глафира стояла на обочине тротуара и пыталась поймать машину.

Накрапывал мелкий противный дождь. Окатывая прохожих фонтанами грязных холодных брызг, машины, как назло, проезжали мимо.

Голосовать едущую в привычном потоке «Жигулей» и «Москвичей» крутую, пускай и свободную иномарку не решилась. И о чудо! — та сама перед ней притормозила.

Как только опустилось боковое стекло, чудо естественным образом прояснилось — водителем машины оказался её сосед по рулетке.

— Здорово, фартовая! Залазь быстрее, а то совсем промокнешь, в натуре.

Кто бы возражал?

Глафира устроила сумки сзади в просторный салон, а сама села на переднем сидении рядом с водителем.

Тронулись. По центру лобового стекла качнулась туда-сюда маятником матерчатая, похожая на вымпел иконка Николая Чудотворца.

Глафира, кивнув на иконку, спросила:

— Верующий?

И тут же себя осекла — странное какое-то выходило начало разговора.

— Ага, типа, верующий, — помрачнел водитель, исподлобья взглянув на искусно вышитое шёлковыми и золотыми нитками красивое седовласое лицо. — Только он, гад мои мольбы и слушать не хочет.

Глафира мысленно ругала себя за то, что сама того не желая, затронула больную для собеседника тему. Но того уже было не остановить.

— Вот прикинь, всё у меня вроде бы есть. Деньги, машина, любовница. В общем, всё как у людей… Только вот счастья почему-то нету… Не в деньгах оно счастье-то.

— Да ну?

— За базар отвечаю, — водитель пристально посмотрел Глафире в глаза. — А ты что же, считаешь, что в деньгах?

— Нет, я так не считаю.

— А что же тогда удивляешься?

— Удивляюсь, откуда ты такой просвещённый взялся. Ну извини, я тебя перебила. Ты продолжай. Уж очень мне интересно про счастье послушать.

— Да что тут говорить, — с досады махнул рукой тот. Приумолк на какое-то время, поёрзал задом на комфортном сиденье. — Короче, поселилась во мне одна, типа, мечта. И не дает мне, блин, ни сна, ни покоя. Извела так, что белый свет стал не мил. Господи, говорю, исполнишь — всё для тебя сделаю, ничего не пожалею. Если надо в церковь пойду,

денег дам кому надо. А он всё не исполняет. Почему спрашивается?

Сегодня вот еду, думаю, может мне какое-нибудь доброе дело совершить? Вижу — дождь идёт, люди под дождём мокнут, голосуют. Дай думаю, кого-нибудь подвезу. Может тогда мне зачтется? Смотрю — ты стоишь, — рассказчик бросил рассеянный взгляд на попутчицу.

— Неспроста всё это.

— Неспроста, — вторила ему Глафира и задала очень интересующий её вопрос: — А какая у тебя, если не секрет, мечта?

— Ага, ща-а-ас, так я тебе и сказал, — ухмыльнулся тот. — Ты мне лучше вот что скажи… как говориться, на Бога надейся, а сам бери быка за рога. Ха, думаю, сколько мне ещё от Бога милости ждать? И вдруг вижу в газете вот такое объявление…

Достал газету из бардачка, положил на панель, ткнул пальцем.

— Смотри, что пишут — Мадемуазель Эсмеральда, мол, исполнит все ваши, типа, желания. Как думаешь, стоит попробовать?

Глафира сразу узнала это объявление. Она наткнулась на него, когда выбирала банк.

— Стоит, — уверенно сказала она.

— Ты что же, в натуре, веришь во все эти вещи?

— Не верю.

— А что же тогда советуешь?

— Это тебе верить надо, у тебя ведь желание. Как говориться, бери быка за рога, пока железо горячо.

— Я тоже так думаю, — приободрился тот. — А у тебя есть?

— Что? Желание? — в глазах Глафиры зажглись весёлые, озорные искорки. — А то как же.

— Хочешь я и тебе адресочек дам?

— Мне не к спеху. Как сам не плошай, а кроме как на Бога, всё равно надеяться не на кого.

— Ну-ну, жди. Поглядим, у кого быстрее сбудется. Кстати, меня Коляном зовут, — приветливо подмигнул он Глафире. — Коля Бешеный, может, слыхала?

Собеседница отрицательно покачала головой. Разговорчивый водитель продолжил:

— Ну а тебя как величать?

— Меня? — встрепенулась та. — Глафира.

И добавила в рифму: — Помешанная.

Тот посмотрел на неё подозрительно. Попутчица рассмеялась.

— Да ты не бойся, я по пятницам смирная.

— Вообще то, сегодня среда.

— А по средам ещё и добрая.

— Ну и шутки у тебя, мать!

— Извини, какие есть… Вот, мы уже почти подъехали… Теперь налево… Прямо… Второй подъезд.

— Слушай, что-то мне твой дом очень уж знакомым кажется… Ну да, точно, я же здесь месяц назад квартиру любовнице купил. Вот я осёл! Это ты виновата, совсем меня заговорила.

И повернувшись, пояснил:

— Ты не подумай, у меня с Цылей всё серьёзно. Знаешь, сколько пришлось за квартиру денег отвалить! Да ещё в ЖУ взятку давать, чтобы в подъезде нормальный ремонт сделали!

Бешеный притормозил, а Глафира посмотрела на него как-то по-новому, по-особенному.

— Так вот, оказывается, кому мы все обязаны. Ну спасибо! — не сдержалась и чмокнула Бешеного в щеку. — Слушай, благодетель, может, поможешь сумки до подъезда донести?

— Ага, ща-а-ас, так я тебе и разбежался прямо по дождичку. Подвози тут всех бесплатно, да ещё сумки за ними таскай. Нет уж, фартовая, давай дальше, типа, сама.

— Почему бесплатно? Я могу заплатить.

— Какое же это тогда будет доброе дело?

— А-а-а, ну да, — понимающе протянула Глафира. — Ладно, сама так сама. Авось не растаю — не сахарная.

Когда выгрузила содержимое сумок, получилась целая батарея из банок, бутылок с растворителями, тюбиков и баллончиков. Глафира потёрла руки. Ну, мелкий, держись! Переоделась и — за работу.

Так, сначала взять баллончик в цвет стен и убрать все черные линии. Оказалось, что баллончиком это делать удобно и быстро. Правда, так же быстро кончился и сам баллончик. Ничего, вон их сколько. А когда закончатся, можно будет новые купить.

В разгар трудового дня появилась Изольда Ивановна с намерением позвать Глафиру к столу. Но увидев перед собой такое количество банок, забыла и про обед, и про то, зачем пришла.

— Батюшки! Откуда всё это?

Глафира пожала плечами.

— Из магазина, откуда еще?

— Но… — не могла подобрать слова Изольда Ивановна, — но …ведь это же не по средствам.

— На войне все средства хороши. Забыли четвертое правило?

— Победа любой ценой, — прилежной ученицей отвечала та. — Я одного не пойму: вы без работы сидите, а сами все свои деньги на эту затею тратите.

— Изольда Ивановна, милая, не переживайте. Мне это ничего не стоило.

— Как это — ничего не стоило? — насторожилась та.

— Ну… — попыталась вывернуться Глафира, — считайте, что мне всё это ЖУ оплатило.

— Как это — считайте, что оплатило? — Изольда Ивановна пришла в ещё большее замешательство и, недоверчиво

посмотрев на Глафиру, переспросила: — Так оплатило или нет?

— Конечно, оплатило, — не моргнув глазом, соврала Глафира. — Ну сами подумайте, где бы я столько денег взяла?

Теперь для закрепления эффекта следовало перескочить на другую тему.

— Кстати, Изольда Ивановна, что-то я проголодалась. Скоро ли у нас обед?

Кухня Изольда Ивановны не отвечала ни новым веяниям моды, ни последнему слову техники. И оттого была необыкновенно уютна и хороша.

На подоконнике, на фоне вышитых в стиле «ришелье» занавесок, разлапистыми ярко красными пятнами буйно цвела и пахла своим неповторимым ароматом герань. На стенах — резные деревянные полки, над столом по центру — большой оранжевый абажур.

Наличие абажура было для Изольды Ивановны не столько выражением её эстетических претензий, сколько делом принципа. Точно так же, как делом принципа был и её сознательный отказ от всякого рода достижений научно-технического прогресса, то есть — от всевозможной техники, призванной помогать хозяйке в трудную минуту. Возможно, Изольда Ивановна была не права, но только даже под страхом смерти она не признавала ни тостеров, ни миксеров, ни кухонных комбайнов. Слово «блендер» рождало в ней про-

тестные настроения и вызывало нервную дрожь. Единственное, без чего она не могла обойтись, была самая обычная ручная мясорубка. Тем не менее, Изольда Ивановна готовила так, что пальчики оближешь. Особенно не было ей равных по части пирогов. В этом деле, говорила Изольда Ивановна, даже не руки — душа нужна, а душа это вам не какая-то там яйцерезка.

На стене громко тикали часы с кукушкой. Изольда Ивановна с Глафирой сидели за столом, ели гороховый суп и мило беседовали. Глафира, как ни грозилась, больше одной тарелки осилить не могла. Да и беседу эту, по правде говоря, вряд ли можно было назвать милой — Изольда Ивановна была удручена.

Поводом для тревоги стало состояние психического здоровья Семёна Петровича.

— В последнее время сам не свой, — жаловалась Изольда Ивановна, — не ест, не пьет, всё в потолок смотрит. А недавно, представляете, ещё и галлюцинации начались. Чёрт знает что мерещиться стало. Не то карлики, не то кони.

— Какие ещё кони? — встревожилась Глафира, отодвинув тарелку.

Та с подавленным видом продолжала:

— Да кто ж его знает, какие! Захожу, говорит, в комнату, а там, прямо в моём кресле, он сидит. Ногу на ногу положил, в потолок плюет и в ус не дует. Ну Семён Петрович, конечно же, спросил, кто он такой, а тот ему отвечает: «Неужто не

видишь, старый, конь я в пальто». А только никакого пальто на нём и в помине нету. Потом встал, и увидел Семён Петрович, что росточка тот совсем никакого. Ни дать, ни взять — карлик самый настоящий. Ну так вот, встал, значится, он, а потом как сквозь землю провалился. Хотя нет, точнее будет сказать, как сквозь стену. Наверное, вспомнил, что пальто своё забыл.

И далось Семёну Петровичу это пальто! Ну конь, говорит, это я ещё понять могу, может фамилия или кличка такая, а вот как он говорит, что в пальто, когда никакого пальто на нём нету?

— И когда же, Изольда Ивановна, данные события имели место быть? Уж не вчера ли утром, когда мы с вами на лестничной площадке разговаривали?

— Ну да, вчера.

— Тогда никакие это не галлюцинации. Помните тот момент, когда нам показалось, будто за лифтом кто-то закашлялся.

— Конечно помню… Ах… Неужели? — испуганно воскликнула Изольда Ивановна, пытаясь увязать в голове открывшиеся факты.

— Выходит, что так. Знаете, у меня, когда я к лифту подошла, было явственное ощущение чьего-то недавнего присутствия. Да ещё эта вобла под ногами. Я тогда тоже подумала, прямо как сквозь землю провалился. Выходит, не сильно и ошиблась.

— Но разве такое возможно?

— Получается, что возможно, и боюсь, что этим способности нашего с вами знакомого не ограничиваются. Вы, Изольда Ивановна, не задумывались, как он со своим ростом в метр с кепкой умудряется свои каракули рисовать чуть ли не под самым потолком. Не стремянку же он с собой носит.

— Господи! — Изольда Ивановна осенила себя крестным знамением, — неужели он еще… — осеклась и округлившимися глазами посмотрела на Глафиру.

— Вот именно!

От волнения Изольда Ивановна встала со своего места, подошла к окну и спросила с трагическим надломом в голосе:

— Что же теперь будет?

— Будет идти дождь… еще дня два… или три… от силы неделю…

— Я же не про дождь. Что с нами будет? С вами? Со мной? С Семёном Петровичем?

— Что касается меня, то я намерена съесть парочку ваших замечательных пирожков. Ничего вкуснее в своей жизни не ела.

Схватила один, самый аппетитный, откусила.

— Ну хорошо, съедим мы эти пирожки, — тень улыбки скользнула по лицу Изольды Ивановны, — а дальше что?

— А дальше… будем думать, как Семена Петровича спасать, — с набитым ртом, отвечала Глафира.

— Ну раз всё прояснилось, я думаю, надо рассказать Сене всё как есть. Объяснить, что вовсе это не галлюцинации, а самый настоящий карлик, который может проходить сквозь стены.

Глафира чуть не подавилась.

— Ничего себе! Проходить сквозь стены! Да вы, Изольда Ивановна, хоть представляете, что тогда будет? Тогда уж точно, никакая медицина Семёна Петровича не спасёт.

И утратив интерес к пирожкам, стала отговаривать Изольду Ивановну от поспешных решений.

— Посудите сами, у Семёна Петровича сейчас очень сложный период. У него, можно сказать, земля из-под ног уходит. Летать он не может, потому что этому не научен, и на земле твердо не стоит, потому что всё рушится у него на глазах и летит в тартарары. Именно так, Изольда Ивановна, и сходят с ума. Боюсь, если мы попытаемся еще больше оторвать его от земли, бедный Семён Петрович просто не выдержит. Единственное, что нам остается — вернуть его в первоначальное положение. Чтобы он смог снова почувствовать почву под ногами. Семён Петрович только от ваших обмороков, да наших хороводов отошёл, а тут — здрасьте! — ещё и прохождение сквозь стены. Нет, Изольда Ивановна, пускай уж лучше будут галлюцинации. Это хотя бы вписывается в его привычное представление о мире.

Подумаешь, галлюцинации! С кем не бывает? Устал, переутомился, тем более в его то возрасте. Привяжем всё это

к его болячкам, магнитным бурям, фазам луны, пикам сейсмической активности и ещё, чёрт знает к чему, вплоть до обострения международных отношений. Главное, Изольда Ивановна, сделать научное обоснование и доказать историческую необходимость происходящего.

Глафира перевела дух и продолжила:

— Да, и не забыть подтвердить всё печатью, желательно не одной, заверить у нотариуса, сделать заключение у главврача, освидетельствовать, взять на поруки, заручиться поддержкой, и непременно с рекомендациями. Так, и только так, дорогая моя Изольда Ивановна, можно нам будет спасти Семёна Петровича. Мужчины они ведь, что есть, дети малые. Это только говориться, что сильный пол, а на самом деле самые беспомощные создания на свете, только успевай пылинки с них сдувать.

— Ох, и не говорите! — на все сто процентов согласилась Изольда Ивановна. — Ну что это за сильный пол? Ни носки постирать, ни щей сварить. Не говоря уже обо всём остальном. Правда, как дети. Пропадут ведь без нас, как есть, пропадут.

Изольда Ивановна заохала, закачала головой. Потом вдруг переменилась в лице и посмотрела на Глафиру искоса.

— Но…

— Что но?

— Но врать ведь не хорошо?

— Ну да, не хорошо, — не стала отпираться Глафира. —

Но ведь если подумать, то не так уж и плохо. Врать, Изольда Ивановна, значит быть ответственным за тех, кому мы врём. Стали бы мы врать, если судьба Семёна Петровича была бы нам безразлична? — Глафира умолкла, чтобы дать возможность Изольде Ивановне переварить услышанное, и в продолжение своей мысли спросила: — А теперь, Изольда Ивановна, скажите, быть ответственным это плохо или хорошо?

— Ну… — задумалась та, застигнутая врасплох доводами Глафиры, — это смотря с какой стороны посмотреть.

— Вот! — на высокой оптимистической ноте подытожила та, потянувшись за очередным пирожком. — Что и требовалось доказать.

ГЛАВА 5. Победа

Если бы Глафиру спросили, что такое счастье, то она недолго думая, ответила бы, что счастье — это то состояние, в котором она пребывала теперь.

Им, этим счастьем стало нежданно-негаданно свалившееся на её голову творчество. С одной стороны, вынужденное и навязанное обстоятельствами, с другой — абсолютно добровольное.

Образы, возникавшие будто по волшебству в её голове, изумляли, радовали и пугали её одновременно. Как будто мир перевернулся и встал с ног на голову. А может, она сама изменилась в одночасье?

Сложное стало простым. Простое сложным. Казавшееся важным вчера, сегодня теряло прежний смысл, а какой-то мелочи, пустяку придавалось исключительное значение.

Творчество стало одновременно и причиной, и следствием этого внутреннего смятения, этого царившего в голове восхитительного беспорядка. Но отдаваясь ему без остатка, в суматохе нахлынувших на неё чувств, она начинала различать в себе некую обратную связь, чьё-то незримое присутствие.

Из пустоты появлялась форма. Минус превращался в плюс. И сердце, свидетель и соучастник этого священнодействия, то учащённо билось, то замирало от мимолётного

прикосновения к Тайне. От ощущения, то смутного и едва уловимого, то наоборот, пронзающего и болезненного, что она является лишь инструментом, лишь кистью в руках другого, истинного Художника.

Глафира давно потеряла всякий аппетит, и обедала лишь потому, что не хотела огорчать Изольду Ивановну. Впрочем, обед был перенесён на столь неопределённое время, что скорее стал походить на поздний ужин.

Лишь только тогда, когда кончались силы, руки не слушались и уставали глаза, Глафира соглашалась оторваться от своего занятия. А на исходе дня, едва успев доползти до кровати, ложилась, закрывала глаза, но уснуть ещё долго не могла. Новые мысли, образы, идеи продолжали рождаться в её пробудившемся воображении. Так постепенно сон стал походить на явь, а явь на сон. И всё труднее становилось проводить между ними чёткие границы.

Пролетела неделя, затем вторая. Всё это время Глафира пребывала в состоянии не проходящей эйфории. И созвучно её настроению за окном, вопреки её прогнозу, не переставая лил дождь. Размывая, растворяя водяными потоками за ненадобностью остальную картину реального мира.

Иногда, мурлыча себе под нос какую-нибудь песенку и слушая шум дождя, она ловила себя на мысли, что готова рисовать так вечно. Мост-радуга, рыбы, плывущие в облаках, райские огромного размера цветы. Матильда — только не чёрная, а фиолетовая, с яркими рябиновыми бусами на

шее. Глафира и Изольду Ивановну с Семёном Петровичем нарисовала. Получились трогательные, взявшиеся за руки, с крылышками за спиной ангелочки-старички.

Являя собой нарушение всех законов живописи и композиции, пропорции и перспективы, похожее на яркий детский сон творение Глафиры было хаотичным и вместе с тем удивительно целостным, наивным и безупречным — от начала и до конца.

На отгороженном от мира серыми бетонными стенами пространстве простота формы вела непримиримый спор со сложностью содержания. Спор бесконечный и неразрешимый. И, всё же, кому-то нужный. А потому не бессмысленный.

— Вы настоящий художник! — не уставала повторять Изольда Ивановна.

Глафира не собиралась брать на себя такую ответственность.

— Ну что вы, я ведь никогда раньше и кисть в руки не брала.

— Ван Гог тоже не держал в руках кисть до определённого момента. Однако, это не помешало ему стать великим художником. И ладно ещё Ван Гог, его понять можно, он всю жизнь страдал от одиночества. Но Гоген? — Изольда Ивановна, подняла глаза кверху. — Нет, вы только вообразите, после стольких лет семейной жизни, изменить всё в одночасье. Уехать на край света ради того, чтобы стать художником

— Может быть, наоборот? Стать художником ради того, чтобы всё изменить?

Изольда Ивановна пожала плечами.

— Ради чего? Ради одиночества?

— Дело не в одиночестве, а в свободе. Согласитесь, это разные вещи.

Изольда Ивановна согласилась, но развивать тему дальше не стала.

Ещё раз окинула взглядом стену. На своём любимом фрагменте, а именно — на их с Семёном Петровичем изображении, задержалась особенно долго.

— Прямо как у Шагала, — с умилением произнесла она.

— Вот я вас и поймала, — улыбнулась Глафира, усмотрев в словах Изольды Ивановны веский аргумент в свою защиту. — Настоящий художник не напоминает кого-то, а всегда делает что-то новое, своё. В некотором роде, совершает открытие.

Изольда Ивановна и не думала сдаваться. Отошла в сторону, сменила ракурс, критическим взглядом посмотрела на Глафирин шедевр и с видом знатока, разбирающегося в живописи, выдала:

— Нет, у вас решительно не так, как у Шагала.

Наморщила лоб и добавила весомо: — Определённо, мне даже не с чем это сравнить.

Глафира рассмеялась.

— Изольда Ивановна, мне абсолютно всё равно, похоже

это на что-то или нет. Я просто не могу иначе. У меня такое ощущение, что за спиной крылья выросли… Знаете, иногда я ловлю себя на мысли, что этого коротышку мне Бог послал… хотя всё должно быть наоборот. Кстати, Изольда Ивановна, если вы его вдруг снова увидите, привет от меня передавайте.

— Вы думаете, он ещё появится?

— Не исключено.

Глафира стала рисовать, а Изольда Ивановна присела рядом на ступеньки.

— И всё-таки, чтобы вы не говорили, я готова вот так часами сидеть и смотреть. Так хорошо, так светло на душе становиться. Далеко не каждый художник может так нарисовать. И не спорьте со мной, пожалуйста.

Глафира и не думала спорить. Она не слышала Изольду Ивановну. Потому что, когда брала в руки кисти, всё остальное переставало для неё существовать.

После последнего своего визита, когда Рукоблудный вынужден был полдня просидеть в засаде у Семёна Петровича, прошло больше двух недель. Всё это время он был занят другими важными и ответственными делами.

Но о девчонке не забывал. Поэтому, как только выдалась свободная минута, сразу же примчался.

Предчувствовать неладное он начал ещё тогда, когда птицу феникс увидел. Но насколько далеко эта эпопея зайдёт, и

не предполагал.

Рукоблудный рвал и метал. От его гениальных, придуманных в кресле Семёна Петровича фантазий, старательно перенесённых на стену, не осталось и следа. И мало того, что девчонка всё закрасила, так на их месте ещё и свои нарисовала.

У него было только одно желание — отомстить. Только как, если все его усилия приводили к совершенно противоположному результату? Чем сильнее он выкладывался, чем неистовее был в своих дурных намерениях, тем краше становился подъезд.

Казалось бы, такая мелочь — усы девчонке подрисовал, так она лицо себе таким образом переделала, что сходства ещё больше стало. Смотреть стало страшно, получилось, как говорят в таких случаях, один в один.

И всё же, уйти так просто Рукоблудный не мог. Наружу рвалась потребность выдать очередную порцию гадостей. Изменить это ничего не изменит, но хотя бы прибавит девчонке работы. Да и ему доставит хоть какое-то удовольствие.

Придумать что-то новенькое? Легко сказать, он так выложился в прошлый раз, что никаких гениальных идей в голове просто не осталось. Да, не простое это дело — гадости сочинять.

Сел на ступеньки, задумчиво уставился на стену, неизбежно встретившись с насмешливым взглядом птицы феникс. Ну что ты на меня вылупилась? — в сердцах выругал-

ся он и отвёл глаза. Повсюду растения какие-то непонятные, животные невиданные. А вот и старуха эта, Изольда, ядрить твою, Ивановна деда своего занудного схватила, и парят оба как два престарелых херувима с таким блаженным видом, будто они в раю.

И так Рукоблудному стало от всего этого тошно, что мозги его наконец сошли с мёртвой точки и заработали в ускоренном режиме.

Рай, говорите?

А теперь развернём нашу ракету на 180 градусов и полетим совсем в другом направлении. Перед внутренним взором динамично сквозь языки пламени проносились душераздирающие сцены страшного суда, а самого его трясло и корчило как самого распоследнего грешника, выворачивая наизнанку от вдохновения.

Добро пожаловать в Ад, дамы и господа!

Выхватив из кармана уголёк, рука его стремительно взметнулась вверх, замерла на мгновение и… опустилась обратно — Рукоблудный вдруг вспомнил, что совершенно не умеет рисовать. Гадости написать, рожи накалякать — это одно, а так сказать, целое эпическое полотно сварганить, извините — совершенно другое.

Ладно, придётся максимально упростить сюжет.

Изображать прыгающую на горячей сковородке Глафиру не стоило и пытаться. В данной ситуации уместнее было нарисовать котлы.

Рукоблудный начертил по центру противоположной не тронутой стены три больших полукруга. Над первым нарисовал круг поменьше. Дальше как в песне: точка, точка, запятая, вышла рожица смешная. Сверху ещё палочку подрисовал — это был Глафирин хвост. Кое-как получилось. Остальное, то есть муки предполагалось домыслить, поскольку главное, сокрытое от человеческих глаз происходило в котле.

Во второй полукруг поместил ещё два кружка — бабку с дедом. Как ни старался, получилось не очень похоже, пришлось подписать.

Ну а в третьем котле варилась кошка. Матильда ничего плохого ему не сделала, как говорится, ничего личного, просто он кошек в принципе не любил. Подписывать не стал, у той были особые приметы — усы и бусы.

Первая половина полотна под названием «Ад» была готова. Оставалось нарисовать чертей. Только как это сделать, если всё умение изображать человеческие фигуры сводилось к формуле из той же песенки — ручки, ножки, огуречик, получился человечек. Да очень просто — наштамповать побольше огурцов! А потом рожи к ним подрисовать, уж что-что, а это Рукоблудный делать умел. Чтобы получилось более убедительно, решил брать не качеством, а количеством. Всю стену огурцами и рожами исписал, места свободного не оставил. Потом ещё к каждому огурцу надо было по палке приделывать, чтобы хвост получился. А ещё рога. По две

палке к каждой роже. Пока их нарисовал, совсем из сил выбился.

В общем, когда закончил, был на последнем издыхании. Отошёл, посмотрел оценивающим взглядом со стороны. Получилось и в буквальном, и в переносном смысле чёрт-те что. Но главное — впечатляло!

Решив, что на этом его миссия окончена, Рукоблудный приблизился к своему творению, высоко подпрыгнул и, на секунду зависнув в воздухе, шлёпнул ладонью по стене, оставив на ней чёрный отпечаток. Что ни говори, а было за что себя уважать — никогда ещё не рисовал он чертей в таком количестве.

И тут вдруг неожиданно возник вопрос: а, собственно, в каком? И хоть у него от этих чертей голова шла кругом, любопытство взяло вверх, и он принялся их пересчитывать.

С первой попытки не получилось. Сбился, когда дошёл до шестидесяти трёх. Во второй раз пришлось сойти с дистанции на цифре семьдесят четыре. Ну а досчитать в третий раз старуха помешала.

— Батюшки мои! Радость то какая! — услышал он позади себя её голос. Не самый подходящий момент быть застигнутым врасплох.

Старуха тем временем продолжала:

— А вы никак уходить собрались? И что, опять без пальто? Дождь идёт, не переставая который день. Давайте я вам хотя бы зонтик вынесу.

Видимо, Рукоблудный не был готов к такой наглости с её стороны, а может быть, продолжал мысленно пересчитывать чертей, но только Изольду Ивановну он не перебивал. А та, трясясь от страха и понимая, что останавливаться ни в коем случае нельзя, всё тараторила и тараторила.

— Да, чуть не забыла, Глафира вам кланяться велела. Передавайте, говорит, Изольда Ивановна, нашему разлюбезному другу, если увидите, самый пламенный привет. Жаль, что сама вас не застала — за краской опять поехала… А я смотрю, вы что-то новенькое нарисовали? Огромное вам от меня человеческое спасибо! А уж как Глафира обрадуется, и слов нет.

Рукоблудный совсем подскис. Старуха, напротив — только набирала обороты.

— Даже и не знаю, как вас благодарить, — окинула она коротышку заботливым материнским взглядом. — Вот что, я пирог испекла. Яблочный, с корицей. Пойду принесу вам кусочек… Только не вздумайте уходить.

И Изольда Ивановна скрылась за дверью.

А когда вернулась, трясущимися руками неся перед собой тарелку, того уже и след простыл.

Тут уже себя не сдерживала — разрыдалась. Села на ступеньки, стала дожидаться возвращения Глафиры, машинально заедая пережитый стресс кусочками пирога.

Дождалась.

— Приходил всё-таки?

— Приходил! — Изольда Ивановна ринулась навстречу, на ходу рассказывая о том, что произошло.

— Какая же вы молодец! — захлопала в ладоши Глафира и запрыгала как легкомысленная школьница. — Это же победа! Чистая победа!

Обняла Изольду Ивановну.

— Говорили, что трусиха, а на самом деле — смелая и бесстрашная.

— Что вы! — попыталась откреститься та. — Вы не представляете, как страшно было. А ещё страшнее этот свой страх показывать. Говорю, говорю, а сама понимаю, останавливаться нельзя. Если остановлюсь, он вмиг мой страх заподозрит. Дверь закрыла, стою, шагу ступить не могу. Поджилки трясутся, сердце из груди выпрыгивает. Пирог несу, а сама думаю, если он ещё там, всё — мне конец. Господи, говорю, не дай пропасть! Собралась с духом и вперёд.

Изольда Ивановна прервалась и спросила настороженно:

— А как вы думаете, он больше не придёт?

— Думаю, что нет.

Глафира подошла к стене и показала на то место, где Рукоблудный оставил отпечаток.

— Вам это ничего не напоминает?

Изольда Ивановна была на подъёме и от этого быстро соображала.

— Автограф?

— Вот именно. А автографы ставят тогда, когда творение

завершенно. Отсюда вывод… — Глафира многозначительно посмотрела на Изольду Ивановну.

— Ну, не томите! — взмолилась та.

Глафира расправила плечи, приняла торжественный вид и, чеканя каждое слово, произнесла:

— Война окончена. Враг бежал. И вам, Изольда Ивановна, как самому отважному и достойному бойцу, выпала огромная честь — принять капитуляцию противника.

— Слава тебе господи! — перекрестилась Изольда Ивановна.

— Я ещё не закончила.

Глафира вскинула подбородок и с бравадой на весь подъезд выкрикнула:

— Ура-а-а!!!

ГЛАВА 6. Гроб на колёсиках

Улица со странным и каким-то безнадёжным названием Малый тупик находилась в той части города, где доживали свой век, старые полуразрушенные деревянные строения, приговоренные к сносу ещё в прошлой пятилетке. Но нагрянула Перестройка, про пятилетки забыли, а вместе с ними забыли и про несчастную эту улицу, и про её заброшенные, покинутые большей частью прежними обитателями, дома.

Оставив машину, Бешенный, матерясь и чертыхаясь, петлял по старому раздолбанному переулку, заросшему кустарником и тополями. Процесс поиска не укладывался ни в какую логику — номера домов были перепутаны или отсутствовали совсем.

Наконец нашёл. Вот он — Малый Тупик 13. Именно здесь, как гласило объявление, должна была обитать та всесильная и всемогущая мадемуазель Эсмеральда, мысли о которой не покидали его воспаленный разум всю последнюю неделю.

Дом стоял на отшибе в самом конце улицы и представлял из себя вытянутое двухэтажное деревянное строение, похожее на барак. На каждом этаже находилось сразу по несколько квартир.

Бешенный в очередной раз выругался — номера квартиры в объявлении не было.

Позвонил в первую дверь — тишина. Постучал во вторую — снова безрезультатно. То же повторилось и с третьей, и с четвёртой, и со всеми остальными.

Обойдя первый этаж, стал подниматься на второй. И тут услышал резанувший ухо скрип, раздавшийся из глубины коридора. Одна из дверей приоткрылась, в проеме показался низкий, по всей видимости, принадлежащий подростку силуэт.

Бешеный воспрял. Однако, как показали дальнейшие события, обрадовался он рано.

— Слышь, пацан, где тут… — бросился он навстречу спасительному силуэту, как бросается заброшенный на необитаемый остров путешественник навстречу появившемуся на горизонте кораблю.

Договорить не получилось.

— Сам пацан, — гнусаво произнес низкий, выходя из тени и обращая к Бешеному на редкость малосимпатичную физиономию.

Что есть «Квазиморда», подумал про себя Бешеный. А вслух сказал:

— Ладно, братан, извини.

— Сам братан, — отрикошетил тот и нагло на него уставился.

Бешенный обиделся.

— Ну я, предположим, братан. А ты, типа, кто?

— Я? — вразвалочку приближаясь, переспросил «Квази-

морда», — я это… типа, Сфинкс.

— Кто? — на всякий случай переспросил Бешеный.

— Кто-кто? — низкий сложил ладони рупором и заорал прямо ему в ухо: — СФИНКС! — потом сделал шаг назад, осмотрел себя с ног до головы и спросил: — Разве не похож?

Бешенный начинал злиться.

— Да хрен с тобой. Сфинкс, так сфинкс. Скажи только, где мне мадемуазель Эсмеральду найти?

— Это не я тебе, а ты мне отвечать должен.

— Не понял. Я же, в натуре, первый спросил.

— Вот когда будешь Сфинксом, тогда и будешь спрашивать. — Рукоблудный (а это вне всякого сомнения был он) бросил на Бешенного недоверчивый взгляд. — Или ты хочешь сказать, что ты тоже Сфинкс?

Тот почесал затылок, задумался, наконец ответил:

— Ну… точно я это не он.

Рукоблудный издал вздох облегчения.

— А если известно, что один из нас Сфинкс, и ты это точно не он, то кто же тогда из нас двоих он?

Бешеный окончательно был сбит с толку.

— Ты? — хлопая глазами, спросил он.

— А если я есть он, — продолжал рассуждать низкий, — а он есть Сфинкс, значит, я и есть Сфинкс. А если я есть Сфинкс, то я и должен спрашивать.

— А мне по фигу, кто ты — Сфинкс или Пирамида Хеопса вместе взятые. Я тебя первый спросил. Вот и отвечай. А

потом сам спрашивай, — не поддавался Колян.

— Фу-у, — низкий вытер пот со лба, — ладно, чёрт с тобой, отвечу. Но только на один вопрос. Допустим, видал я твою Эсмеральду в гробу и белых тапках.

— Неужто померла? — опешил Бешеный.

— А это уже второй вопрос. Мы так не договаривались. Теперь ты на мой ответить должен.

— Что же мне теперь на твои вопросы отвечать, если она померла?

— Да не помер никто! — заорал Рукоблудный. — Всё, слушай мою загадку.

— Может не надо? Я загадки совсем не умею разгадывать.

— Да я тебе самую легкую загадаю, — гнул свою линию Сфинкс, — специально для таких дураков, как ты.

— За дурака ответишь! — набычился Бешеный.

— Отвечать будешь ты! — угрожающе надвинулся на него Рукоблудный, потеряв всякое терпение.

— Почему я?

— Потому что я Сфинкс! — голос Рукоблудного снова сорвался на крик, Бешеный весь сжался. — А ты… — истязатель сделал намеренную паузу.

— А что я? — переспросил Бешеный чуть ли не со слезами на глазах, — я ничего.

— А ты — дурак! Вот что!

— Это ещё почему?

Рукоблудный обхватил голову руками и стал ритмично

раскачивать ею из стороны в сторону.

— Ну ты тупой! Сам посуди — нас двое, один из нас Сфинкс, другой отвечает за дурака. Если известно, что я Сфинкс, а ты отвечаешь, то ты и есть дурак.

— Всё, хватит с меня! Нашли дурака! — Бешеный осекся, — То есть, я хотел сказать, козла отпущения. Устроили тут… Нотр дам, в натуре! Да видал я вашу Эсмеральду в гробу и белых … — снова осекся, махнул с досады рукой и вознамерился уйти.

Только не тут-то было. Рукоблудный достал из-за пазухи здоровенную деревянную рогатку и нацелился ею прямо ему в лоб.

— Никуда ты не пойдешь, пока загадку не отгадаешь. Перед тобой пять дверей. Угадай с шести попыток, в какую ты должен сейчас войти?

Бешенный, покрывшись испариной и судорожно озираясь кругом, стал искать какую-нибудь лазейку, чтобы дать дёру. Выход на лестницу был перекрыт снайпером с рогаткой. Оставался открытым дверной проём, из которого тот пять минут назад вышел.

Не придумав ничего лучшего, Бешенный нырнул в проём и захлопнул за собой дверь, обитую рванным дерматином. Уф, кажется, пронесло!

Очутившись в маленьком темном предбаннике, стал осматриваться. В глаза сразу бросилась широкая бархатная штора, похожая на театральный занавес, отделявшая кори-

дор от основного помещения. Ещё раз убедившись в том, что дверь за ним надежно закрыта, Бешенный осторожно подошел, боязливо отодвинул край тяжелой материи.

А дальше и впрямь начался самый настоящий театр.

Первым, что выхватил его взгляд, был новый только что состругуанный сосновый гроб. Гроб стоял на полу по центру комнаты и источал из себя свежий запах древесины. Сбоку к нему были приделаны маленькие круглые штуковины.

Колесики — догадался Бешенный и взгляд его медленно пополз дальше по полу, пока не наткнулся на толстые волосатые ноги в белых тапках.

Ужас!

Что было ужаснее, ноги или сам факт их присутствия, оставалось до конца не ясным. Однако, справедливости ради стоит уточнить: это были не тапки, а белого цвета кроссовки очень большого размера. Сами ноги тонули в бесчисленных, одетых одна на одну, пёстрых цыганских юбках. Вверху над юбками начиналась (или заканчивалась, это как посмотреть) большая женская грудь, увешанная монистами.

Продолжая передвигать взгляд выше, Бешеный обнаружил, что всё это хозяйство принадлежит не молодой уже и очень корпулентной цыганке с чёрными, без малейшей седины волосами. Когда-то красивые, а сейчас грубые черты лица с висячей бородавкой на носу производили отвратное впечатление. Но глаза! Что это были за глаза! Большие, темные, издалека почти черные, они заставляли того, кто в них

смотрит, забыть обо всём на свете.

Как только глаза Бешеного встретились с глазами цыганки, взгляд его застыл и остекленел, поскольку оторваться, отлепиться от этих глаз по своей воле не было никакой возможности. Бешеный стоял перед цыганкой и смотрел на неё, как кролик смотрит на удава. Пока той это наконец не наскучило, и она первой не отвела от него свой взгляд.

Осмотр продолжился. Стол, старые деревянные стулья, ширмы какие-то непонятные, тубусы, коробки, телескоп на треноге… и тут среди всех этих причиндал Бешенный обнаружил сидящего в углу того самого карлика, который по всем его представлениям должен был сейчас находиться за дверью.

Чур меня! — испуганно дёрнулся он и, извергая из себя протяжные, похожие на мычание звуки, беспорядочно заметался по комнате.

Затем сел на пол, скрестил ноги и беззвучно заплакал.

Карлик с цыганкой переглянулись.

— Ты, милый, случайно не бешеный будешь? — участливо спросила та.

— Бешеный! Бешеный! — обрадовался тот и закивал головой как китайский болванчик, — А вы что же, выходит, ждали меня?

— Ждали, красивый, ждали.

— А вас, простите, как зовут? — наученный горьким опытом, боясь сказать чего лишнего, поинтересовался Бешен-

ный.

— Эсмеральда, — ответила цыганка.

— А где эта… ну как её… типа, мадемуазель?

Бешенный и так не блистал умом, а тут из него, и вовсе, будто все мозги повышибало.

— Я и есть мадемуазель. Мадемуазель Эсмеральда.

— Но мадам… — Бешенный окинул цыганку недоверчивым, с некоторой пошлицой, взглядом.

— Попрошу без оскорблений, — повысив голос, поставила его на место та. По-видимому, эта щепетильная деталь имела для неё принципиальное значение.

Тот, однако, не унимался.

— Да из вас, мадам, такая же мадемуазель, как из этого вон, — показал рукой на Рукоблудного, — Сфинкс.

— Хоть одна здравая мысль за сегодня, — отозвался Рукоблудный, — Я бы даже сказал так: из Эсмеральды такая же мадемуазель, как из меня Сфинкс, а из тебя дурак.

— Скажите ему, чтоб не обзывался, — Бешеный заискивающе посмотрел на цыганку.

— Сам обзываешься! — огрызнулся Рукоблудный.

— Хватит! — цыкнула Эсмеральда. Подошла к Бешенному. — Ну, говори, зачем пришел?

Бешенный почесал за ухом.

— А чёрт его знает зачем… Забыл.

— Я тебе напомню, — подсказала та, — ты пришел, чтобы я твоё желание исполнила.

— Точно! — Бешеный хлопнул себя по лбу и подозрительно посмотрел на цыганку, — А вы почём знаете?

— Зачем же сюда ещё приходят?

— Ах чёрт, ну да.

— Ну, говори, чего хочешь.

На глазах Бешенного стали наворачиваться слёзы.

— Я теперь только одного хочу — домой, — протяжно заскулил он. — Тетенька, выпустите меня отсюда.

Бешенный закрыл глаза руками и разрыдался во всю мощь.

Эсмеральда жестом велела Рукоблудному удалиться. Уселась рядом со страдальцем, уложила верхнюю часть его туловища к себе на колени, погладила ладонью по бритой голове.

— Ну-ну, соколик, перестань.

— А пускай тогда этот не пристаёт, — всхлипнул Бешеный.

— Да нету его давно.

Бешенный оторвал голову от её колен и настороженным взглядом оглядел комнату.

И тут вдруг спохватился.

— А гроб где?

— Какой гроб?

— Как какой? На колесиках.

Бешенный вскочил и, суматошно забегав из угла в угол, начал обыскивать комнату.

Цыганка смотрела на него как на умалишённого.

— Да нет тут никакого гроба. Привиделось тебе.

— Чёрт с ним, с гробом, — вылезая из-под стола с паутиной на ухе, подал голос Бешеный. — Я Сфинкса вашего поганого ищу. Между прочим, здесь в газете про него ничего не сказано. И про его хреновы загадки тоже.

— Не сказано, не сказано, — пропела Эсмеральда и погрозила пальцем в пустоту, заговаривая с Бешеным словно с малым дитятей. — Ах он какой не хороший, вот мы ему зададим.

— Ещё как зададим, — с готовностью отозвался Бешеный. — Да я его, в натуре, по земле размажу… в порошок сотру… котлету из него сделаю… живого места не оставлю… в расход пущу… на мелкие кусочки порежу…

И тут опять пронзила мысль — тапки!

На этот раз цыганка сидела таким образом, что широкие раскидистые юбки полностью скрывали её ноги. Бешеный закашлялся и, переминаясь с ноги на ногу, начал:

— Мадам, то есть мадемуазель… не поймите меня превратно… но не могли бы вы… э-э-э… не знаю, как и сказать… В общем, не могли бы вы… задрать, в натуре, вашу юбку?

Эсмеральда прищурилась и игриво погрозила толстым мясистым пальцем.

— Ах ты шалун!

Поднялась, передёрнула плечами и, звеня монистами, стала надвигаться на Бешеного. Тот опомниться не успел, как

оказался припертым к стенке. Ноги оторвались от пола, и он на миг воспарил, — это Эсмеральда приподняла его за грудки.

Обожгло горячим дыханием.

— Ты уверен, что этого хочешь?

— Уже нет, — испугано замотал головой Бешенный, — по правде сказать, совсем не уверен.

Цыганка опустила несостоявшегося кавалера на пол и тут же потеряла к нему всякий интерес. Отвернулась и направилась в глубь комнаты.

В голове у Бешенного крутилась только одна мысль — мысль о побеге. Решив, что более подходящего момента может не представиться, он, прилипнув слизнем к стене, пополз к двери.

А дальше стало происходить странное.

Эсмеральда чиркнула спичкой, один за одним зажигая в воздухе невидимые фитили, и вскоре вся комната потонула в мерцании бесчисленных маленьких огоньков и в непонятно откуда взявшемся облаке белого тумана.

Одновременно на тусклых оклеенных выцветшими обоями стенах стали проявляться загадочные символы и знаки: египетские иероглифы, фрагменты астрологических карт, графические лабиринты, математические и другие — непонятные формулы. Всё находилось в медленном едва уловимом движении, и было похоже на многомерный экран с наведенным на него волшебным проектором, на котором неви-

димая рука прокручивала свой кинофильм.

Находясь всего в одном шаге от своего спасения, Бешенный, начисто лишившись инстинкта самосохранения, остановился как вкопанный и, раскрыв рот от удивления, уставился на цыганку.

Тем временем, Эсмеральда подошла к стене, дописала одну из написанных на ней формул и, не оборачиваясь, спросила:

— Ты ещё здесь?

— Здесь, здесь. Где же мне ещё быть?

— Так ведь ты домой собирался.

— Ага, ща-а-с. Столько тут понатерпелся. Столько нервных клеток в расход пустил. И что, всё зря? Ну уж нет! Давайте желание исполняйте.

— Значит, всё-таки исполнять? — усмехнулась цыганка.

— Исполнять! — Бешеный так осмелел, что подошёл, придвинул к себе стул, сел и решительно ударил кулаком по столу.

— Ну говори, — продолжая стоять к нему спиной, произнесла Эсмеральда.

Закинув одну ногу на другую и тут же поменяв их местами, видать сильно нервничал, Бешенный сдавленным, как будто обиженным, голосом произнес:

— Хочу флэш-рояль поймать. И всё тут.

Цыганка обернулась.

— Сильно хочешь?

Бешенный обречённо вздохнул.

— Так сильно, что мочи нет. Сон, аппетит потерял. Извелся весь. Чёрту готов душу продать — вот те крест!

— Себе оставь, — сморщилась та, словно проглотила какую-нибудь гадость.

— Не понял.

— Крест, говорю, себе оставь. Я по другой части.

— По какой такой части?

— По адресу, говорю, попал ты, соколик.

— По адресу, по адресу. Столько его искал, этот ваш адрес. Все дома позанапутали. Сам удивляюсь, что попал.

— Попал, попал родимый, ещё как попал.

Бешеный насторожился.

— Вот что, бабка, ты мне зубы не заговаривай. Говори, исполнишь желание или нет?

Та повела плечами.

— Исполню. Чего не исполнить? Желание не мудреное. Только ты мне вот что скажи: денег у тебя, как я вижу, куры не клюют. Для чего тебе этот флэш-рояль сдался?

— Как для чего? Для понта. Понт он, бабка, дороже денег.

— В казино часто ходишь?

— Что я, дурак что ли? Раз сходил, слил всё под чистую в рулетку, теперь баста — я в ваши казино ни ногой.

— Как же ты тогда рассчитываешь флэш-рояль то поймать?

— Да не рассчитываю я, бабка, не рассчитываю. Мечтаю

только. Должна же быть у человека высокая мечта. А что, ты мне скажи, может быть выше флэш-рояля? То-то. Ничто не может быть выше флэш-рояля. Ни каре, ни даже флэш-стрит. Поймать бы мне его, заразу! Вот бы пацаны обзавидовались! — Бешенный мечтательно закатил глаза и продолжил: — А только знаю, что ни по чём не поймаю, только все деньги спущу. И муки эти адские покоя мне не дают, день и ночь терзают.

— Ты, соколик, в карты то играть умеешь?

— Так себе.

Цыганка задумалась.

— Придется с раздачи делать.

— Неужто и вправду сделаешь? — обомлел от представившейся перспективы Бешенный.

— Сделаю, соколик, сделаю.

— Ну мать, не пожалеешь, — ударил тот кулаком себя в грудь. — Я в долгу не останусь. Говори цену.

— Да мы же, яхонтовый мой, уже обо всём договорились. Ты голову себе раньше времени не забивай. Она и так у тебя чёрт знает чем забита. Лучше молчи, не перебивай и делай то, что я тебе говорить буду.

С этими словами цыганка подсела к столу и протянула Бешенному огрызок карандаша и лист непонятно откуда взявшегося пергамента. Велела, чтобы тот написал на нём своё желание.

Далее из недр многочисленных юбок был извлечён перо-

чинный нож. Он был нужен для того, чтобы сделать порез на запястье. После того, как выступила кровь, цыганка взяла руку подопечного, и расположила ладонь так, чтобы стекающие капли крови капали по центру пергамента.

Постепенно пергамент начал менять свой цвет. Из изначально серо-жёлтого стал сначала красным, затем пурпурным и наконец чёрным. Когда же, после всех этих метаморфоз, цыганка поднесла его к пламени горевшей на столе свечи, тот не вспыхнул, не загорелся, как того следовало ожидать, а медленно скрутился в трубочку.

Положив скрученный пергамент на серебряное блюдо, та протянула его Бешенному.

— Можешь развернуть.

Бешенный развернул и увидел на чёрном фоне какую-то красную загогулину. «Что за абракадабра такая?» — подумал он про себя.

— Греческая буква «Омега», — последовал ответ.

Эсмеральда поднялась и, подойдя к стене, указала на одну из формул, которые были на ней написаны. В левой части формулы стоял икс, в правой — три шестерки, игрек и ещё какая-то закорючка вроде той, что была на пергаменте.

— Икс — это переменная обозначающая желание. Вместо неё я должна вписать сюда омегу. Поскольку омега есть твоё конкретное желание. Но должна тебя предупредить: после того, как я это сделаю, изменить уже ничего будет нельзя. Так что подумай ещё раз и ответь — ты действительно этого

хочешь?

— Ты что, в натуре, издеваешься, что ли, надо мной? Пиши давай быстрее эту свою омегу, — заволновался Бешеный. Неровен час, передумает старая ведьма.

Эсмеральда вписала в формулу омегу.

— Остается выяснить значение другой переменной — игрек. Игрек — время предполагаемого события. Его ты можешь выбрать сам.

— Что, прямо, когда захочу?

— Когда захочешь.

— Даже сегодня?

— Можно и сегодня.

— Ну сегодня я вообще-то ещё не готов. — Бешенный достал носовой платок, вытер со лба выступившую испарину. — Неожиданно как-то всё это. Слушай, у меня двадцать седьмого числа день рождения. Давай к нему и приурочим.

— Быть так. — Эсмеральда стерла игрек и вместо него написала цифру двадцать семь.

Повернулась к Бешеному и пояснила, что двадцать седьмого числа приходить ему надо не в абы какое казино, а именно в «Три шестерки».

— Понятно, — протянул Бешеный и снисходительно усмехнулся, — вот почему у вас в формуле три шестерки то стоят.

— Ишь, догадливый какой. Так смотри не перепутай.

— Не перепутаю. А последняя зюка что обозначает?

— Непредвиденные обстоятельства.

— Какие ещё непредвиденные обстоятельства? — напрягся Бешеный.

— А это не нашего с тобой ума дело. Иди, соколик, домой. Устала я.

Дав понять, что разговор окончен, Эсмеральда подошла к окну и, встав к посетителю спиной, застыла на месте, будто окаменела.

Тут бы в самый раз уйти, но Бешенный, не совладав с собой, решил ещё раз спросить для пущей убедительности:

— Ну так что, мать, за базар отвечаешь?

Цыганка ничего не ответила.

— Э-э-э… Мамаша? — не унимался тот, — ты меня, что, не слышишь?

Подошел, из-плеча заглянул цыганке в лицо и тут же об этом пожалел. Глаза, от которых он не мог по началу оторвать взгляда, превратились в бельма.

— Всё, понял. Ухожу, ухожу, — пролепетал он и задом попятился к двери.

В коридоре в довершение всех испытаний, свалившихся ему на голову, в самом буквальном смысле умудрился получить по башке — опрокинул на себя висевший на ржавом гвозде старый медный таз.

И тоже ведь не случайно. Была на это веская уважительная причина — нашёлся гроб. Какой дурак его сюда прита-

щил? И так тесно. Когда комнату обыскивал, не догадался в коридор заглянуть. Вот и получился конфуз, когда занавеску отодвинул.

Даже не понял, рад он этому или не рад. Не хватило времени для полноценных раздумий.

Таз, казалось, только этого и ждал — с оглушительным звоном ударил Бешенного по затылку, отчего на месте ушиба незамедлительно образовалась внушительного размера шишка, а затем, выписывая круги и громко грохоча, как очумелый запрыгал по полу.

Бешенный дал ему пинка и пулей выбежал на улицу. Глоток свежего воздуха был ему сейчас необходим как вода выброшенной на берег рыбе.

В хмуром небе из-за туч выглянуло на короткий миг и нестерпимо резануло глаза редкое в последние дни, яркое случайное солнце. Резануло, ослепило, стёрло жёлтым ластиком нехорошее из памяти и оставило позади приключившиеся с ним напасти.

Только вот шишка болела нестерпимо…

Перед глазами бегали солнечные зайчики. Бешенный проморгался, набрал полную грудь воздуха, вместе с которым в ноздрю залетела частичка тополиного пуха, и он вместо того чтобы выдохнуть, чихнул громко.

— Ну, братва, держись!

Глава 7. Воланды на дороге не валяются

В холодном, голубом полумраке подъезда вверх по ступенькам поднимались двое.

Первый — высокий, не сбавляя темп ни на секунду, преодолевал лестничные пролёты легко, будто летел. Второй — низкий, старательно семеня короткими ножками, едва поспевал следом.

Достигнув шестого этажа, куда они, по всей видимости, так стремились, оба остановились.

— И что сие значит? — изумлённо произнёс первый, с интересом рассматривая расписанные стены.

— Ну, шеф, — безучастно изучая нос своего ботинка, отвечал второй, — вы же понимаете, что я здесь совершенно не причём.

Горестно вздохнул, а его спутник, заметив на стене нечто, что ещё больше привлекло его внимание, расхохотался.

— А что вы на это скажете? — указал он на отпечаток руки, который Глафира по каким-то своим соображениям оставила.

— Проклятая девчонка!

Шеф, нисколько ему не сочувствуя, продолжал:

— Да, девчонка та ещё бестия. Сначала вокруг пальца вас обвела, а теперь, можно сказать, и к стенке припёрла… До-

ждётесь, Рукоблудный, она ещё вам Кузькину мать покажет. Ладно, пойдёмте быстрее, мне уже не терпится с ней повидаться.

— Кому повидаться, а кому и поквитаться, — сквозь зубы, вдогонку, пробубнил тот.

Месяц целенаправленных усилий, и каракули Рукоблудного были окончательно стёрты с лица земли, закрашены, погребены под свежими, ещё не высохшими, мазками Глафиры. Единственное, что она категорически отказалась трогать, был отпечаток.

Поначалу просто хотелось его позлить. Разве не обидно будет признать, что он подписался под тем, что в итоге оказалось полной противоположностью первоначального замысла? Однако, истинная причина была намного глубже. Сам того не ведая, этот мелкий пакостник стал импульсом, побудившим её к действию, причиной раскрытия в ней невероятных возможностей и сил. А раз так, то выходит, что он и есть истинный автор содеянного?

С чертями, конечно, пришлось повозиться. Целый день их замазывала. Извелась — никакого тебе творчества. Зато потом развернулась, только успевала пустые банки выбрасывать. Краска что, пускай кончается, всегда новую купить можно, главное — чтобы воображение не подвело.

И воображение не подводило, работало без устали.

И вот, когда работа была наконец окончена, навалилась

усталость. Быстрее доползти до кровати и никогда из неё не вылезать.

Глафира обессиленно уронила голову на подушку. Казалось, ещё секунда, и последует провал в полное забытьё. Но через минуту, и через две, и через пять провала не последовало. Что-то упорно тащило её назад.

Вначале это был еле слышный, похожий на жужжание, шум. Затем шум сделался более многоплановым, и определить его природу стало невозможно. Очевидным было одно — звуки приближались, становясь всё навязчивей и слышней.

Глафира сбросила одеяло. Источник шума был где-то рядом. Не за стеной у соседей, не тем более на улице, а здесь, в её собственной квартире. Осторожно ступая в темноте, она вышла в коридор и поняла… а точнее — она совсем ничего не понимала.

Звуки доносились из зала. Обрывки голосов, весёлый женский смех, бравадные выкрики режущей ухо какофонией проносились сквозь бодрящую музыку духового оркестра и хрустальный перезвон бокалов. Всему этому могло быть только одно объяснение.

Наверное, я всё-таки сплю, подумала Глафира и, не долго думая, распахнула дверь.

Голоса разом стихли. Лица присутствующих повернулись и с любопытством уставились на неё. И как могло поместиться здесь всё это сборище? Ах да, это ведь сон.

Лишним подтверждением этому служил и тот факт, что она не сразу смогла узнать свою комнату. Стены из обычных сделались зеркальными. Это создавало эффект бесконечности пространства и иллюзию присутствия большого количества людей. Однако, в зеркалах отражались только неживые предметы — мебель, детали обстановки. А вот фигуры присутствующих не множились и не повторялись. Там, в зазеркалье, обитали вполне себе самостоятельные персонажи.

Публика была довольно разномастной и производила среднее впечатление между баллом-маскарадом и балаганом.

Повсюду горели свечи. И от множества мерцающих огоньков, уходивших своей перспективой в бесконечность, и от зеркального преломления пространства, отдавалось болезненной резью в висках и кружилась голова.

Глафира зажмурилась. Теперь вместо бравурного марша в исполнении духового оркестра полились звуки симфонической музыки. Не узнать её было невозможно. Прокофьев. «Ромео и Джульетта». Никогда ещё «Танец рыцарей» не звучал так зловеще.

Распахнула глаза и ужаснулась, перед ней стоял Он, человек в чёрном, тот самый незнакомец из казино.

Он пронзал её острым, как игла взглядом, каким коллекционер пришпиливает редкую экзотическую бабочку на лист бумаги, а его несчастная жертва от одного этого взгляда, готова была потерять сознание или даже умереть.

Глафира ущипнула себя за руку, но сон продолжался. Под нарастающие тревожные такты из-за спины незнакомца вышел одетый в синий переливающийся сюртук Рукоблудный с эффектным красным цветком в петлице и белым атласным цилиндром на голове.

— Дамы и господа, разрешите представить виновницу сегодняшнего вечера, — входя в роль фокусника-конферансье, произнёс он, обращаясь к присутствующим. — Так сама себя называемая Глафира… Не то домохозяйка, не то временно безработная.

— Сама себе хозяйка. Временно беззаботная, — нашлась та.

— Попрошу не перебивать, — рассердился Рукоблудный и сделал шаг вперёд. — Короче, чудо в перьях.

После этого взял из рук похожей на крокодила ассистентки самую обычную подушку, вскочил на табурет и — Алле ап! — молниеносным движением руки вспорол подушке брюхо.

Перья посыпались на голову Глафире. Ах, до чего нелепо выглядит девчонка! Ещё немного, и расплачется бедняжка, не перенеся позора, сбежит униженная и посрамлённая в первом и последнем для себя акте.

Прокофьев уступил место Чайковскому. Теперь балом правили пленительные аккорды Вальса цветов. Глафира стояла в белом мельтешащемся ореоле и улыбалась. Она совсем не сердилась на Рукоблудного. Напротив, была ему благо-

дарна — переключив внимание на себя, он тем самым дал возможность выиграть время и собрать силы для отражения главного удара. Ведь как не изощрялся этот мелкий пакостник в своих проделках, настоящая угроза исходила вовсе не от него.

Стоя в облаке пуха и наблюдая за кружением легких, почти невесомых пёрышек, приятно щекотавших ей руки, она вспомнила, как совсем недавно стояла так посреди комнаты и, как сейчас перья, над ней кружились денежные купюры. Представила, и прямо тут же (чего только не бывает во сне), перья на глазах у изумлённой публики превратились в деньги — новенькие пахнущие свежей типографской краской бумажки. И пока звучала музыка, кружились над ней в вихре волшебного вальса, а потом плавно опускались к её ногам, устав выделывать в воздухе беспорядочные па.

Когда вальс прекратился, сделалось совсем тихо. А через несколько секунд тишина взорвалась восторженными аплодисментами. Что ж, всё и впрямь вышло неплохо.

— Итак, я представлена, Ваша Честь, — сказала Глафира, хотя здесь было уместнее слово «Нечисть». — Может быть, объясните мне наконец, что происходит?

Тот посмотрел на неё с недоумением.

— Что же тут, собственно, объяснять? Помнится, вы меня сами в гости на чашку чая приглашали. С каким-то там… не то обормотом, не то с бегемотом.

— С бергамотом.

— Да какая разница. В это время суток, знаете ли, полагается совсем другие напитки пить.

Гость, ведущий себя на этом балу как хозяин, хлопнул в ладоши, и в тот же миг на его жест из толпы вышел кентавр с одутловатым пропитым лицом в засаленной атласной жилетке и с бабочкой на грязной шее.

Кентавр громко цокал копытами и нёс перед собой серебряный поднос с высоким хрустальным графином. На графине золотыми готическими буквами было написано слово «Абсолют».

— Пантелеич, он же конь в пальто, — кивнул гость на приблизившегося кентавра. — Однако, братец, где же твоё пальто?

— Да надысь Рукоблудному в карты проиграл, ваше Бесподобие. — отрапортовал тот, выкатив грудь колесом.

— Эко, как тебя угораздило.

Кентавр посетовал:

— Да шельмует сукин сын, как есть, шельмует.

Его Бесподобие участливо покачал головой и взял с подноса две заблаговременно налитые стопки. Одну оставил себе, вторую протянул даме.

— За встречу!

Оба выпили жгучую жидкость одновременно, одним глотком. Видимо, давешняя практика с Изольдой Ивановной не прошла для Глафиры даром.

— Закуска здесь будет излишней, — изрёк гость, вернув

стопку обратно. Похлопал кентавра по плечу. — Ступай, голубчик.

— Далее в официальной части, — продолжил он, отыскав глазами пытавшегося скрыться за спинами присутствующих Глафириного злопыхателя и, поманив к себе, представил: — Гаврила Рукоблудный. Он же, как вы изволили только что слышать, сукин сын.

— Очень приятно… То есть… не то чтобы очень.

Глафира собралась сказать ещё что-нибудь дерзкое, но в этот момент почувствовала, как что-то мягкое теранулось о её ноги. Опустила взгляд, и на сердце отлегло — Матильда. Пожалуй, в данной ситуации её тоже было уместно представить.

— Матильда. Моя кошка, — входя в роль гостеприимной хозяйки улыбнулась гостям Глафира и, решив блеснуть остроумием, добавила: — Она же Кузькина мать.

Та в ответ пронзительно мяукнула, а Рукоблудный, вдруг ощетинился и ни с кем не попрощавшись, спешно дал дёру.

Глафира вопросительно посмотрела на собеседника.

— С детства, видите ли, терпеть не может кошек, — пояснил тот.

С Матильдой между тем стало происходить странное — встав на задние лапы и медленно вытянувшись в человеческий рост, она жеманно, как заправская кокетка, провела лапой по шее, и на чёрной лоснящейся её шкурке заиграло самым восхитительным образом, рассыпаясь на миллион осле-

пительных колющих глаза искр, бриллиантовое ожерелье.

— Не дурно, м-да? — мурлыча произнесла она.

Глафира стояла не в силах вымолвить и слова.

— И вот ещё что, — продолжала Матильда, растягивая и будто промурлыкивая слова, — при всём моём уважении, не говори, пожалуйста, больше, что я твоя. Мы, кошки, знаешь ли, этого не любим.

— Извини, — проталкивая ком в горле, выдавила из себя Глафира.

— Ах полно, дорогая. Какие между нами могут быть счёты.

Взяла в руку хвост, повертела им словно боа и, виляя бедрами, двинулась в массы…

— Пожалуй, вам лучше присесть.

Глафира опустилась в предложенное кресло без всяких колебаний.

— Скажите, это ведь сон?

— Отнюдь.

— Конечно, сон. Что же ещё?

— Я же сказал — нет, — глаза гостя смотрели жестко и безоговорочно. Достал из кармана плаща маленькую кожаную книжицу. — Узнаёте?

Это был её паспорт.

— Завтра, когда проснётесь, найдёте его между Пушкиным и Достоевским, — сказал он, пристраивая документ

между книг в шкафу на полке.

— Но если вы говорите, что я проснусь, значит, я всё-таки сплю?

— Я оговорился. Следовало сказать — когда вы выйдите из этого состояния.

— Какого состояния?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.